

МОДЕСТ КОЛЕРОВ

СТАРАЯ РУССКАЯ АЗБУКА

Аа-Яя

Издательство книжного магазина «Циолковский»

Москва

2020

Использованы иллюстрации:

Андрей Алексеевич Колеров (1956-2008):

На форзаце:

1. «Витраж». 1980-е

2. «Железный свет». 2000-2001

На нахзаце:

3. «Равновесие предмета в трёх плоскостях» («Лимон»). 1990

4. «Сотворение». 1990-е

ПОДЛИННОЕ

С.Н. Дурылин вспоминает, как врач-чех наблюдал обмывание тела русского художественного гения Исаака Израилевича Левитана. Чех свидетельствовал: на груди Левитана был крест, который служители его фамильного культа сорвали и бросили прочь.

И.Г. Эренбург пишет в 1915 году о войне во Франции: служивший при госпитале раввин бросился под огонь искать распятие по просьбе умирающего. Нашёл. Успел доставить. Погиб в тот же день.

КАК СДЕЛАНА РУССКАЯ ДЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Читаю «Документы внешней политики СССР». Младший сын подходит и спрашивает: «Мука-мука?» Он не умеет ещё хорошо говорить, но уверен, что я непрерывно перечитываю Цокотуху, чтобы лучше ему докладывать.

Или ещё вернее – Цокотуха и есть для него Книга. Как Библия.

СОВЕТЧИКИ

Читаю «Ни дня без строчки» Юрия Олеши. Нет! Ренессанса у творческого коллаборационизма не будет. Он художественно бездарен. Правда только за полным сердцем: Артём Весёлый, Платонов...

«ДОКТОР ЖИВАГО»

Он был первой «хорошей» книгой, которую я нещадно выкинул.

Хотя по-прежнему обожаю поэзию Пастернака и в конце 1970-х провёл несметные дни за печатной машинкой, перепечатывая неизданные в СССР его (и Мандельштама) стихи, в том числе – из романа, а первую половину 1980-х – в скупке его поэтических сборников в букинистах.

Уж очень плох роман, нещадно плох.

РОМАН «МЫ»

Паки и паки: борцам против тоталитаризма надо признать – НИКАКОГО советского опыта в романе «Мы» нет и быть не может, если только на секунду, на одну букву букваря представить советскую реальность 1920 года – полного развала, хаоса и варварства, уничтожения городов и промышленности – диаметрально противоположную образу

«Мы». И не делать никакого антитоталитарного памфлета из романа, каковой есть абсолютно британский памфлет против индустриализма.

РЯДОМ С ВЕЛИКИМИ

В тени гениев (брюзжа): советские дети моего поколения привыкли жить рядом с великими. Открывали детскую энциклопедию, а там – биография Чуковского или Чаплина с одной датой – только рождения. Открывали школьный учебник – а там Шолохов живой. Смотрели «Голубой огонёк» по ТВ – а там молодые весёлые 50-летние участники аж легендарнейшей легенды народа – Великой Отечественной войны... Смотрели взрослые газеты: а там смешные юбилеи – всего 70 лет Есенину, 80 лет Маяковскому.

Кто сейчас-то у нас великий живой?

Когда в 1973 умер Будённый, я был потрясён. Живой миф умер. Уходила почва из-под ног.

ЕСЕНИН

В 1960-е годы было много живых, знавших Есенина, да и Константиново к нам близко. Его, Есенина, импресарио Шнейдера я видел своими глазами.

Да и этнографическая среда у нас общая.

Отец мой много общался со знавшими его. Больше всего его поразила в рассказах заплаканность

Есенина-самоубийцы и то, что мать и сёстры Есенина на похороны приехали как на войну — с осуждением среды и людей, которые довели их мальчика до гибели.

МИФ И РЕПУТАЦИЯ

Многолетние мои штудии о жизни великих только недавно стали выходить из русла их собственных мифов и русел внешних репутации. Конечно, в культурно-историческом итоге только эти мифы значимы и сами уже в ответ формируют свои шаблоны. Но внутри событий, когда история ещё не свершилась и всё непредсказуемо, герои действуют во многом вне ещё не отвердевших мифов и репутаций. И вот, оказывается: как минимум половина их жизни, видимой в источниках, — **ВООБЩЕ** не вошла, даже материалом не вошла в мифы и репутации. Они — подводная часть айсберга, и нужны экстраординарные исследовательские усилия, чтобы — без шансов на успех — постараться понять: как эта невидимая жизнь отразилась в авторских мифах. Об обоснованности репутации же говорить можно, лишь взвешивая листки свидетельств о ней килограммами.

ЧТЕНИЕ

Именно и прежде всего московские букинисты 1970-х дали нашей семье возможность жить

и расти с Андреем Белым, Борисом Пильняком, Осипом Мандельштамом, Борисом Пастернаком, Алексеем Ремизовым, Фёдором Сологубом – с их прижизненными изданиями.

В книжном магазине на Новом Арбате (тогда – проспекте Калинина), в букинистическом отделе на втором этаже слева пережил я у прилавка культурный шок, памятный мне и нынче. Дородно-толсто-высокая пара московских буржуа – мать и дочь – долго причмокивала над прижизненным томом Льва Мея, который, на мой юношеский вкус, был полным мусором. Сбоку от них к продавцу обратился зрелый любитель обложек, запросив снять с витрины и показать ему одну из них. «Это Эжен Сю», – как всегда, устало-брезгливо ответила продавец. «Фу», – столь же брезгливо ответил любитель, подтягивая.

«Да вы что!!! Это же Сю!!!», – хором вскричали буржуазные дамы. Вот до сих пор не могу понять, что такого великого в этом Сю.

СОВЕТСКОЕ ПОДПОЛЬЕ

Во второй половине 1970-х перепечатывая на печатной машинке официально не опубликованные тогда в СССР «живаговские» стихи Пастернака и «Стихи о неизвестном солдате» Мандельштама, я имел рядом с ними и перед глазами вовсе не

«Архипелаг ГУЛАГ» – в нашей шахтёрской местности ему открывать было в общем нечего, – а целые книги машинописных копий сборников Бальмонта, в Москве свободно лежавшие у букинистов.

Более того – я переписывал в университетской библиотеке Хлебникова и потом летом перепечатывал переписанное на печатной машинке. А мой брат иллюстрировал цветной графикой и отдавал переплётчику.

Наша подпольная любовь к поэзии не была антисоветской.

ЭЛЛИНИЗМ

От отца нам достались десятки книг с оборванными обложками, началами и концами. Некоторые из них я ещё в юности идентифицировал: Дрэпер, история литературы Скабичевского и русская критика Маркса 1890-х гг.

Я понимаю, откуда эти крохи – от революционного разорения библиотек нашего Епифанского уезда и растопки их обложками печей (бумажный блок книги горит плохо). Лет 35 спустя после этого разорения, с середины 1950-х мой отец собирал эти остатки и нёс в дом. С их старой орфографией я знаком с самого детства. Потому и старослав «Слова о полку Игореве» мне уже в 9–10 лет был как родной.

АВТОРЫ

Хорошая научная книга часто умнее своего автора, а некоторые авторы с годами становятся просто не достойными своих книг.

КРАТКИЙ КУРС НАУЧНОГО КНИГОИЗДАНИЯ

1. отказ от туризма
 2. отказ от авто, гаража и пр.
 3. отказ от дорогих гаджетов
 4. отказ от пьянства
 5. отказ от промискуитета
 6. отказ от дачи и всего с ней связанного
 7. отказ от компьютерных игр)))
- тогда изданные тобой научные книги польются рекой.

ЭКСЛИБРИСЫ

Не имеют смысла больше, чем смысл усилия.

1. Когда умер наш отец, художник, учитель жизни и фанатический книголюб, мы с моим старшим братом надписали все книги из секретера отца его именем, чтобы и так сохранить его память. 22 года спустя после этого умер брат. Жизнь протащила меня сквозь игольные ушки. Давно уже перед моими глазами нет книг моего отца: только помню, где лежит одна во владении моего старшего сына (кстати, последняя, купленная моим отцом, — Фаворский).

2. Недавно сквозь букинистов прошла россыпь хороших книг с экслибрисами известного советского философа А.С. Богомолова (1927–1983): так решили его наследники. Из этой россыпи у меня сейчас – первая книга С.Л. Франка. Скоро отдам её, как и многое такое же, – традиционно в библиотеку Дома Лосева.

3. Поэтому я отдаю в библиотеки максимум книг, оставляя детям только самое несомненное.

НАРОДНОЕ ЧТЕНИЕ

Кто навязал ему макулатуру? Могу судить из первых рук: даже массовая грамотность в соединении патриархального и советского образования НЕ навязывала для чтения макулатуру. Если был лубок, то он просто висел на стене.

Мой прадед крестьянин читал псалмы.

Женщины его поколений не читали ничего.

Мой отец, начавший жизнь шахтным электриком, читал только классику.

Моя мать, начавшая жизнь крестьянкой и всю жизнь, 45 лет непрерывно проработавшая на шахте, читала только Тургенева, Золя, Жорж Санд, Стендаля и Мопассана.

РАДИЩЕВ

Решил прочесть Радищева известное, но редко кем читанное сочинение.

Читаю не отрываясь и до запятой. Зря Пушкин назвал это слабой литературой. Просто глядя отсюда – только такая литература в смеси политической критики с исповедальным описанием массовой проституции и аллюзий на псалмы Давида – и есть литература. Широкая актуальная и классическая образованность. Псалмы Давидовы проникают текст своими мотивами, высокая концентрация подлинного чувства, даже в риторике приобретающего библейскую чистоту. Внутри жанровая свобода и личная исповедальная откровенность, громкая исповедь. Сильные, резкие характеристики. Раскованность в предъявлении счетов к царям своим и чужим, рискованные сближения негативных образов с правящей Екатериной II. Острый политический памфлет. Религиозное вольнодумство, крайнее осуждение папоцезаризма. Идейный просветитель, педагогический пафос и целая программа. Ирония, иногда очень смешная. Отчаянно смелый тон. Увлекательный пафос правдоискания, антисамодержавный скепсис. Нелицеприятная критика. Острое переживание прав и свобод личности, гражданской свободы, правовой и экономической несправедливости, яркое изображение зла крепостного права как рабства, даже частичное оправдание жестокостей Пугачёвщины, самозванство которой не вызывает его сомнений. Пронзительней и глуб-

же Чаадаева, который в своей критике раболепен перед выдвигаемыми образцами, а Радищев не щадит никого. Подробная стиховедческая критика русской поэзии. Больная совесть. Разоблачение столичного промискуитета и массовой проституции (символически сопровождаемой образами бань и баранок), крепостнического сексуального насилия, эпидемии венерических болезней. Пафос общественной гигиены. Перед лицом тотальной власти французского языка – утверждает приоритет английского языка (как языка политики) и латыни (наряду с греческим, как языка интернациональной классической науки и культуры) «У вас на щеках румяна, на сердце румяна, на совести румяна, на искренности... сажа. Всё равно. Румяна или сажа. Я побегу от вас во всю конскую рысь к моим деревенским красавицам». А это прямо для эпитафии. Но страшно подумать, какой к нему должна быть книга:

Колокол ударяет. И се пагуба зверства разливается быстротечно. Мы узрим окрест нас меч и светочу. Смерть и пожигание нам будет посул за нашу суровость и бесчеловечие... Вот что нам предстоит, вот чего нам ожидать должно. Гибель возносится горе постепенно, и опасность уже вращается над главами нашими. Уже время, вознесши косу, ждёт часа удобности, и первый льстец или любитель человечеств, возникши на пробуждение несчастных, ускорит его мах. Блюдитесь.

БОЛЬ:
Борисов-Мусатов

Бб

Подвиг жизни Виктора Эльпидифоровича Борисова-Мусатова (1870–1905) – из того разряда, что авторы восторженных биографий склонны сравнивать с памятниками-монолитами: из чистого золота, из единого куска камня, прямой и ясный как стелы Стоунхенджа. Страшно, что эта мужественная прямота была предопределена не только талантом художника и его трагической волей, но и мучительной борьбой с тяжёлой инвалидностью, приобретённой в младенчестве, близкой и скорой смертью в тщетной борьбе с пожиравшим художника уродливым горбом. В русском модерне Борисов-Мусатов в считанные годы (менее 10 лет) своего чистого творчества сразу прошёл путь, пройденный западными родителями нового искусства за 100 лет, – от пре-рафаэлитов до модерна, соединив их мифологический символизм с импрессионизмом оптики и мистикой переживания.

Его тайна вовсе не в том, что мещанин Борисов-Мусатов вдруг ощутил посмертную магию брошенных или вымерших русских дворянских усадеб – и обессмертил их бывшую аристократическую тоску как тоску о потустороннем, о старом и новом смысле, который так и не найден в посясторонних суете и лжи.

Его художественное изобретение не в том, что он сознательно или бессознательно применил в самых важных своих трудах систему, перспективу концентрических образов и композиционных пространств. Пошлость страданий по изжитому в праздности и фанаберии феодализму – художнику чужда. Его призраки и тени – не посетители буржуазных застолий со столоверчением и вызыванием духов Наполеона и Ашшурбанипала.

Его привидения – это обычные души, которым не нужно даже бессмертия. Им важно перейти черту смерти без страха и ужаса, преодолеть смерть исключительно ради её преодоления и медленного растворения там, где растворяется всё.

Художественный язык Борисова-Мусатова – для того, кто не знает о его инвалидности, – резко отличен от театрального стандарта, общего почти для всех направлений фигуративного и даже нефигуративного искусства. Борисов-Мусатов не смотрит на мир глазами театрального зрителя, и мир его – не сцена с представлениями, декора-

циями и кулисами, не экран кинозала, не видео в гаджетах или компьютерных играх, не «живые сцены» замерших в комнате ряженных энтузиастов. Его картина мира, его картины о мире – вертикальные объёмы словно низко летящего над травой и водой наблюдателя и рассматривателя, может быть, ребёнка или карлика, но внимательного к тому, из чего состоит обыденная почва, по которой ходят тени и ткани. Он так и летел над ней.

БРЕЖНЕВ:
Дмитрий Налбандян

Бб

Советский идеологический официоз в области изобразительного искусства не был так прост, как кажется на первый взгляд, и породил за 74 года своего существования – с 1917 по 1991 год – целую галерею обласканных, прославленных и награждённых им художников, среди которых нашлось место и подлинным титанам кисти и резца, и выдающимся деятелям художественного сервиса, и крайне успешным культур-бизнесменам. Главные персональные художественные институции, которые до сих пор принимают на себя массовую потребность в «картинках» и прочем подобном, их персональные репутации, по-прежнему порождены СССР. Ведь именно в СССР сложилась официозная фронда книжного рисовальщика-иллюстратора Ильи Глазунова (1930), которая после СССР монетизировалась в виде художественной Академии его имени в центре Москвы, салонная слава гипер-

реалиста Александра Шилова (1943), после СССР отлившаяся в личный государственный (!) музей Шилова, организаторская мощь скульптора, Героя Социалистического труда Зураба Церетели (1934), после СССР отдавшая ему в руки целую Академию Художеств.

По сравнению с этими достижениями позднесоветских вождей официоза, личные итоги старшего поколения художников, отдавших своё имя прославлению и обслуживанию советской власти, выглядят скромнее — у них не было шанса для прижизненной глорификации и прижизненной капитализации своих дарований. Ведь что такое советский успех действительно яркого, сильного, узнаваемого художника ренессансного стиля Исаака Бродского (1883–1939), со столь высоким уровнем мастерства, — только живущая ещё в памяти старшего поколения улица Бродского — главная улица, ведущая от Невского проспекта к Русскому музею, ныне Михайловская, названная так посмертно. Или что такое советский успех вполне среднего художника Владимира Серова (1910–1968), как казалось, обессмертившего многофигурные композиции с Лениным во главе? Ничего. Что такое советский успех официально-портретиста советских вождей от дебютного Кирова до Брежнева — Героя Социалистического труда Дмитрия Налбандяна (1906–1993), чья ре-

месленная кисть стала едва ли не нарицательной для застывших бездушных изображений вождей без изъяна, пафоса, правды и даже простой надежды на человеческое? Разве что только донине живущий музей-мастерская в центре Москвы – памятник, скорее, упорству его наследников, чем его искусству. Главное, что было уже при его жизни, – именно нарицательность стиля Налбандяна для официоза позднего СССР, который – к удивлению многих – легко выжил при внутрипартийных и пропагандистских переменах от Сталина к Хрущёву, от Хрущёва к Брежневу. И при Брежневе достиг своей вершины.

Помню, как мироточивое, предельно, если можно так абсурдно сказать, абстрактное фотографическое изображение Брежнева кисти Налбандяна одновременно стало своеобразным символом брежневской эпохи – лишённой идеологического лица. Именно на фоне такого налбандяновского Брежнева и выросла столь же стерилизованная официальная фронда Глазунова, Шилова и Церетели. Именно налбандяновско-брежневский стиль якобы иронически эксплуатировали в 1970–1990-е гг. антиофициозный концептуалист Илья Кабаков и «соц-арт» Комара и Меламида, въехавших в хрестоматии современного искусства верхом на стерилизованном «социалистическом реализме» Налбандяна. Это и вполне понятно: скопировать

(чтобы превратить в отрицание) «социалистический реализм», например, Исаака Бродского Кабакову, Комару и Меламиду было и остаётся просто не под силу. Не тот художественный фундамент.

В последние годы жизни ровесник Брежнева Дмитрий Налбандян стал объектом не только концептуалистского превращения и осмеяния – вместе с Брежневым как символом «застоя» и старческой слабости, но и жертвой почти забвения. В одном из последних интервью он признавался, верный себе, что теперь, при Горбачёве, рисует и Горбачёва. Но с телевизора. Официальный заказ на Горбачёва к нему уже не поступил.

В те дни в печати мелькнули и репродукции его частных, не официозных работ – пейзажные и городские пленэры. Художественно они были несомненно лучше его Брежнева, но они никогда не могли бы составить ему славу.

БУРЖУАЗИЯ: «Мир искусства»

Бб

Если признать, что вершиной русского изобразительного искусства является искусство фигуративное, общедоступное для массового понимания, представленное интернационально значимыми образцами высокого реализма, модерна, экспрессионизма, то обнаружится, что наибольшую часть этих образцов дали художники объединения «Мир искусства». Считается, что они выступили против политически ангажированного и партийного, социалистического искусства «Товарищества передвижных выставок», которое являет собой, так сказать, искусство «для внутреннего употребления» – недостаточно внятного, плохо переводимого для употребления интернационального. И встроили русскую культуру в Модерн. При этом русский и советский авангард, сменивший собой эпоху русского модерна, хоть и не был вполне фигуративным, общедоступным, получил ещё большую мировую известность, но известность

не в массе любителей искусства, а в узком кругу его толкователей.

Объединение «Мир искусства» было создано художником А.Н. Бенуа и культурным деятелем С.П. Дягилевым в 1900-м году и просуществовало до 1904 года, когда было влито в более широкий «Союз русских художников» и перестало быть форматом для реализации определённой эстетической программы (его восстановление в 1910 году уже носило другой характер). Был ли голый эстетический жест действительной программой «Мира искусства», как то написано во всех учебниках по истории мировой культуры? Нет.

Нет сомнения: объединение составили русские мастера мирового качества и мировой актуальности, в том числе – с ярко выраженными национальными мотивами: Бакст, Бенуа, Билибин, Браз, Аполлинарий Васнецов, Лансере, Левитан, Малявин, Нестеров, Остроумова, Сомов, Серов... Но сердцем объединения стал созданный Дягилевым и Бенуа на предпринимательские деньги журнал «Мир искусства». Несмотря на весь свой демонстративный эстетизм, «мирискусники» не были первооткрывателями эстетизма в России: в русской культуре того времени он жил уже десятилетие как против партийных течений одиноко пропагандируемый Акимом Волынским,

десятилетия как против передвижников отстаиваемый художниками-академистами. Не были они авторами первого манифеста художественного эстетизма: против «программной» до назойливости критики (лидером коей был гуру партийности Владимир Стасов) ещё в 1892 году выступил Дмитрий Мережковский в лекции «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», в 1894–1896 скандально дебютировал символизм Валерия Брюсова...

Наконец, с 1897 года, когда русские марксисты разрушили монополию русских народников на толкование Маркса и Энгельса в России, они вывели к читателю целую галерею европейских модернистов, к которым был близок и терпим и германский социал-демократизм и французский, бельгийский, британский, итальянский социализм. Именно из этой среды к массовому русскому читателю пришли Морис Метерлинк и прерафаэлиты. А из русской академической философской среды – Ницше.

Потому и журнал «Мир Искусства» (1898–1904) обильно оснастил свои страницы произведениями тогда политически правых идеалистов Розанова и Мережковского. Потому и стало объединение «Мир Искусства» в 1904 году со-основателем широкого «Союза русских художников» — наряду с другими предреволюционными объединениями

оппозиционной интеллигенции по профессиональному признаку. Потому и нельзя признать этот эстетизм, боровшийся против примитивных агитации и пропаганды, антиобщественным и неполитическим. Безотказно бьющему в цель массовой аудитории передвижническому примитиву «Мир Искусства» противопоставил образцы буржуазной свободы, буржуазных стандартов и высшего изобразительного качества.

Революция поглотила его. Авангард Ленина-Сталина вытоптал. «Большой стиль» Сталина превратил в социалистический реализм. Но эта буржуазная молодая политическая нация Серова и Левитана – несомненное соцреализма. И теперь уже – в трудной исторической судьбе России нового века – она стоит рядом со сталинским авангардом. И равно держит наше национальное культурное качество в самом высшем интернациональном ряду.

ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ:

ВВ

Владимир Татлин

Он родился в Москве и ушёл из жизни, как и великий Прокофьев, как и великий Бунин, в тени смерти Сталина, 31 мая 1953 года там же, в Москве.

То была ещё старая Москва, полностью заполненная огородами и домашним скотом прямо в центре города, заселённая отходниками из подмосковных деревень, которые ещё только начали формировать московский пролетариат. В Новом Лефортове ещё только начинало работать ныне знаменитое Московское техническое училище, которое теперь носит имя убитого в 1905 году революционера Н.Э. Баумана и называется техническим университетом. А рядом теснились ткацкие цеха и рабочие казармы, казённым суриком выделялись постройки для инженеров. Поблизости дышали вагонами и локомотивами

широкие полосы отчуждения вдоль железных дорог, идущих на юг и на восток от Курского (Нижегородского) и Казанского (Рязанского) вокзалов.

В то время инженеры были очень богаты, ибо непрерывно строили заводы и железные дороги, выше пределов рационального накаченные спекулятивным акционерным капиталом и хищниками грюндерства-учредительства («стартапов»), весь прибыльток которых состоит в громком старте, а не в долгой доходной работе.

Тогда инженеры были гораздо ближе к самой чёрной работе пролетариата и самой белой работе чертёжников. Они были очень хорошо образованы не только в своих точных науках, но и, например, в политической экономии, которая в те времена состояла среди наук юридических и считалась прямой дорогой к познанию мудрости Карла Маркса.

Владимир Евграфович Татлин родился в семье московского железнодорожника, но юность провёл в сиротских скитаниях, в том числе заграничных, и никакому инженерному, научному и марксистскому делу нигде не учился. Он нёс инженерный пафос *победы над миром, победы над солнцем* в самом воздухе, которым дышал. Он стал художником целой серии модернистских сообществ и школ. И стал бы он, наверное, одним

из первых десятков хороших, великих, дорогих и музейных.

Но его главное творение всё изменило – это послереволюционный проект Башни Третьего интернационала («Башня Татлина»), в котором Коммунизм был равен Вавилонской башне, а она понималась как глобальная конструкция Фабрики, а они все вместе – как непобедимая спираль Истории, неизбежно превращаемая, наверное, в тонкий луч космического света, подобный лазеру. И всё изменилось.

Ещё до массового архитектурного увлечения «бумажным» строительством Татлин сделал и продумал главное, от чего, как от торнадо, поднялись вихри архитектурных, культурных и мыслительных революций: мир-история, памятник-революция, замысел-переворот Татлина стали возможны почти одной силой мысли – силой проекта. Подлинный отец Третьего, Коммунистического интернационала Ленин в 1920 году, исторически одновременно с Башней Татлина, сказал советской коммунистической молодёжи:

Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество...

Это значило в измерении Татлина не менее, чем универсальное, всемирное усилие победить от

имени мировой культуры, а не против неё, от имени Нового Вавилона – против старого Бога, которого Модерн хоронил со времени Великой французской революции и Ницше.

Но Татлин своими, кажется, простыми, хоть и очень неудобными, материально нерациональными решениями не хотел оставаться в Модерне и шёл дальше, предвосхищая будущий «сталинский ампир» в архитектуре, вдохновлявшийся эпохой Возрождения. Ведь именно к универсализму Леонардо обращается другой знаменитый артефакт-проект Татлина – его «Летатлин», летательный аппарат, выстроенный в полноте знания орнитологии, внутри которой очевидно встроен индивидуальный антропологический смысл. То есть на смену технократическому сверхколлективизму «Башни Татлина», подавляющей мир в целом, её автор готов вывести крайне индивидуальное и органическое, начисто отрицающее технократическую диктатуру создание: на смену *победе над солнцем* – победу природы над технической диктатурой.

Наверное, именно поэтому Татлину и не нашлось места в сталинском империализме.

* * *

Отец мой говорил мне, после своего очередного выговора мне, подробного и долгого, эмоционального и уважительного: «Мы все — дети войны. (Это не проходит бесследно). Мы все больные. Ты должен меня простить».

МАШИНЫ

Летом в середине 1980-х мы поплыли на вёслах вверх по речушке Глинке с Прони на рязанскую сторону, напротив деревни моей матери, на хутор за молоком.

Бабка, продавшая нам молоко, в ответ на вежливый вопрос о возрасте сказала: «да, что уж, скоро домой...» О войне вспомнила лишь: «ииии, ребята, а уж как он, немец-то шёл! машины, машины, машины, каких мы и не видали...»

Каждый легко проверит: здесь, в этой местности, в направлении города Михайлова, не было даже

единой линии фронта, и никаких особенных танковых колонн, разумеется, тоже.

НАЦИЗМ

Некто русский рассказывал мне, как сразу после войны, едва ли даже не в 1945 году, в занятом нашими войсками Берлине на станции пригородного поезда его дед спросил у немца о времени прихода ближайшей электрички. Тот достал книжечку с расписанием, пролистал и сообщил. С ужасом дед увидел, что на книжечке крупно написано: 1939 год. Поймав взгляд, немец удовлетворённо сообщил: «да, всё по-прежнему».

Восхищение русского человека немецким орднунгом понятно. Но у онаго орднунга есть и обратная сторона: если в таких мелочах немецкая жизнь преемственна, то ещё более она преемственна в главном. И Гитлер растёт из общего немецкого орднунга, однажды просто выведшего часть человечества из числа людей и т. п. Никакой непредсказуемости. Всё по плану.

Это в истории Гитлера важнее, чем штришки адвокатов нацизма и теоретиков «европейской гражданской войны», сочинивших что Гитлер — ответ на Ленина. И сочинение это появилось очень давно — ещё в русской эмиграции 1920-х годов, впервые затвердившей формулу мировой гражданской войны против большевизма и его агентов.

РАДИО

Середина 1970-х. Каждый год 9 мая по Центральному радио в 18:50 (или 17:50?) звучала Минута молчания: краткое вступление и затем отсчёт метронома. Ясно помню слова: «мы помним, как наш отец поднимал нас высоко-высоко к небу...» Понятно, что он погиб.

Тогда это звучало как прямое обращение к памяти поколения моих родителей, то есть просто к старшим в моей семье. Сейчас я понимаю, что даже они, 1931–1932 годов рождения, уже были старше к 1941 году тех, кого отцы, уходя, могли поднять к небу. Такими были только люди 1935-го года рождения и младше. Но это уже не важно. Сейчас эти слова адресованы были бы уже заведомому меньшинству. И уже не большинство — мы, дети детей войны, их самая больная, детская память.

ТО ЕСТЬ РАССТРЕЛ

Все имеющиеся у русского гражданского населения валеные сапоги, включая и детские валенки, подлежат немедленной реквизиции. Обладание валеными сапогами запрещается и должно караться так же, как и неразрешённое ношение оружия.

*(Вермахт, из приказа по Северной группе армий
№ 1422/41 от 6 ноября 1941.)*

«ПРИБАЛТИЙСКИЙ ФАШИЗМ»

Автор этой формулы – лидер русских социалистов-революционеров В.М. Чернов. Время: 1936 год. Источник: статья Чернова «Затруднения прибалтийского фашизма» (ГАРФ. Ф.Р-5847. Оп.1. Д.57).

ОККУПАНТЫ

Когда фашистские оккупанты требовали у моей бабушки: «матка, яйки» и, вступив с ней в рукопашный бой, отнимали курицу... – на каком языке они говорили? На своём представлении о русском? На польском? На польском, ибо прежде завоевали Польшу, или были поляками? Думаю, потому, что были кашубами.

СТАРШИЕ БРАТЯ

В 1960-е в просветительских книгах-текстах о войне, адресованных детям, ещё была инерционная (1950-х) формула о том, что это была война отцов и старших братьев, а среди городских учителей старшего поколения ещё можно было изредка наткнуться на окончивших гимназию. К нам в дом отец однажды привёл бодрого 75-летнего старика, засвидетельствованного как водитель Дзержинского.

ВОЙНА

ПЕСНЯ

Отец мой шлёт мне привет с того света о войне: моему младшему сыну 2012 года рождения отчего-то понравилась старая песня «У незнакомого посёлка, на безымянной высоте».

И только я на земле знал и помнил, что это была любимая песня моего отца.

МЕДАЛЬ

Маленький Андрюша со мной смотрит на медаль Минобороны СССР к 20-летию Победы (1965):

- Это какая медаль?
- Военная?
- Ты воевал?
- Нет. Мой дед воевал.
- Отдай ему эту медаль.
- Его уже нет.
- Где он?
- Ушёл на небо.

Война – зло. Но я рад, что и в моём поколении есть люди, которые с честью могут сказать о себе: «Я воевал».

ПАСХА

Переживание Пасхи. Мои старшие дети её переживали первобытно и любовно. Я завидую им белой завистью. Мне дано это только в завершении службы.

Журнал Фонда Чулпан Хаматовой для детей-пациентов онкологического центра Д. Рогачёва просто и естественно назвал сейчас, анонсируя, «светлым днём» День Победы. И в этом – чистая правда. Андрей Ашкеров как-то назвал 9 мая «гражданским культом» классического образца, где соединяются все бывшие, нынешние и будущие поколения (некто от этого в Испании – в *La Pascua Militar*). И если уж допустить часть филетических искушений, то для нас День Победы – гражданская и национальная Пасха, строго следующая за нашей общей, вселенской.

ХОЛОКОСТ

Сегодня мне приснилось, как вагон, где я еду, проверяют спокойные, корректные, деловитые немцы и выводят из него евреев. Судя по тому, что определяют их они как-то простенько, явно скоро и моя очередь.

При этом мирно и вежливо говорят евреям: «а вот эту книжку, что вы взяли с собой почитать, оставьте здесь и эту *печень* оставьте. Это всё лишнее». Уже так человека подавляют и превращают в безропотную мишень. Вежливостью.

САМОЕ ГЛАВНОЕ

Маяковский гнушался. И вместо службы в армии подавал ананасную воду известно кому. Но Есе-

ВОЙНА

нин и Блок служили в армии в той войне, хоть и не на передовой. Но сын малосимпатичного мне Милюкова добровольцем ушёл на ту войну и отдал жизнь. Сын его политического недруга Струве тоже добровольцем ушёл на войну. Это главное. Это самое главное.

ПОЛЯКИ

Часто вспоминаю виденный в детстве польский фильм. Германия, автомобильные гонки, польская команда: 1 сентября 1939 года. В окружении ненависти и тишины они тихо поют польский национальный гимн. Обычные люди, им не нужно ничего знать про Юзефа Бека и Берёзу-Картузску, им достаточно оставаться самими собой, когда убивают их страну.

ПРЕКЛОНЯЮСЬ И ГОРЖУСЬ

Шекспир. Гамлет. Пер. Б. Пастернака. М., Л., 1942. 50000 экз. Подписано к печати 7 августа 1942 года. Эти дни катастрофы под Харьковом и страшного отступления к Сталинграду. И дни страшного же приказа от 28 июля 1942 года «Ни шагу назад».

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

Мой отец и моя мать были в оккупации и много рассказывали о ней.

Мой отец видел наших убитых солдат.
 Моя мать видела предательство людей и выдачу наших солдат в плен.
 На всю жизнь запомнила она, что при долгом голоде сразу есть нельзя. Как немцы грабили их. Как моя бабушка, рискуя, сопротивлялась грабежу. Как немцы вешали.
 Запомнила, как наш солдат в бою защищал их, сидящих в подвале.

ХОЛОКОСТ-2

Я очень сопереживаю Холокост. И не только потому, что я юдофил.
 И мне очень жаль, что мы, русские, преступно перед памятью нашего народа – не объяснили сами себе, что над нами нацистами был учинён Холокост-2.

СВЯЩЕННЫЕ МОИ ИДЕИ

Когда началась война, антисталинисты стояли перед выбором: быть последовательными – и выступить на стороне Гитлера и против исторического (если угодно – биологического) большинства своего народа. Или быть людьми и помочь своему народу, чем можно, заткнув себе в задницу свой священный антисталинизм. А после войны вынуть его вновь наружу. (Ни одного слова иронии в этом тексте нет.)

БЕЛОРУССИЯ

Мой покойный отец, в 10 лет оказавшийся в оккупации, был бы счастлив от нынешнего Дня Победы и Бессмертного полка.

Кроме опыта оккупации, война для отца была и в образе того, что она оставила после себя под Могилёвом (Быхов), что он видел, служа в армии в 1950–1954 гг.

Одно из его главных мне завещаний – святое почтение к героическому и мученическому белорусскому народу. Низкий поклон!

БЕСЛАН

Утром 1 сентября 2004 года я выехал из дома, который мы снимали на лето, в 9.30. Поскольку мне предстояла целая рабочая неделя вдалеке от Москвы, я заехал на детскую площадку попрощаться со своими тогда двухлетними детьми, которых уже давно увела гулять их нянька.

Настроение моё было подавленным: только что по радио объявили, что в Беслане террористами захвачена школа вместе с детьми. Отец няньки принадлежал к одному из близ живущих к Беслану северо-кавказских народов и я, прощаясь с девочками, не удержался и поделился с ней ужасной новостью. К моему огромному удивлению, она отреагировала так, словно уже всё

знала — совершенно спокойно. «Да, осетин захватили», — холодно уточнила она. Я подумал тогда, что она очень хорошо знает географию.

Только потом я стал задумываться о том, насколько мы были безумно, самоубийственно доверчивы. Сарафанное радио резни оказалось сильнее всех мер безопасности.

ГОЛОД:

Павел Филонов

ГГ

Павел Николаевич Филонов родился в Москве в семье мещанина, то есть в семье формально по сословной принадлежности выше, чем абсолютное крестьянское большинство в тогдашней России. Но от этого большинства конца XIX века, тесно интегрированного с городской жизнью через сезонное «отходничество» на заработки в городе, а то и просто живущего, как нынешние мигрантские массы, на два дома, — семья Филонова вряд ли чем-то отличалась.

Это была единая московская пролетарская и деклассированная среда, делившая свою жизнь между нищетой, тяжёлым трудом, кабаком и подкормом из деревни. Было в жизни этого городского пролетариата одно, самое светлое обстоятельство, которого почти начисто была лишена сельская жизнь. В ней был шанс на изменение своей социальной судьбы: реже — шанс на подъём и выход в купеческое состояние, чаще — шанс

на достижение личной социальной свободы на военной или гражданской службе, интеллигентной работе, равно открывавшихся после получения среднего и специального образования, возможность которого давал только город.

Павел Филонов, борясь за жизнь и личную свободу, получил в Москве и Санкт-Петербурге начальное и минимальное специальное образование, рано избрав путь художника. Сколь мало бы ни было его художническое образование, он в полной мере овладел рисовальным ремеслом, для художников не частое дело – рисовальщиков среди живописцев немного. Попытки получить нормативное высшее художественное образование долго не удавались, а затем – уже стали лишними, – когда прямой путь Филонова к творчеству в ряду других новых художников уже был открыт. Мегаполисы и столицы, пожирая несметное множество судеб и подчиняя себе массы мигрантов и «отходников», ищущих счастья и достатка, по крайней мере, открывают перед подвижниками и талантами гораздо более прямой путь, чем простые губернские города. Их особая культурная и карьерная жизнь тоже богата, но не сравнима по скорости с беспрецедентным аферизмом столиц. Но одни парвеню повторяют карьеры Жюльена Сореля из стендалевского «Красного и чёрного» или Жоржа Дюруа из мопассановско-

го «Милого друга», а другие становятся рабами своего дара, отдавая ему всю жизнь и все её столичные шансы. Филонов выбрал последнее. Наверное, он просто не имел такого выбора и просто никогда не колебался, ибо по главным чертам своего характера был идеократом, учителем и столпником, который вне искусства превратился бы в создателя секты.

Павел Филонов быстро вошёл в столичную среду нового русского искусства, особенно в круг его тогда самых радикальных борцов – Хлебникова и Маяковского. И в этой новой среде стал в ряду не эпигонов, а изобретателей.

Собственно, главное, фундаментальное, революционное изобретение в области изобразительного художественного языка было совершенно задолго до Филонова – французскими импрессионистами. Вся изобразительная история человечества до них вступала в сделки с цветом и формой вещей. Если считалось, что помидор красный и что крест на церкви – крестообразный и золотой, то они и рисовались художниками так, чтобы изображение их опознавалось быстро и просто, независимо от того, что художники и все окружающие – сквозь свет, пьянь и туман – видели на самом деле: красным, крестообразным и золотым.

Именно импрессионисты показали, что в природе и, значит, в искусстве «привязанного» к предмету цвета нет, нет и несомненного предмета: они

предполагаются, но изображаться должны так, как живут в сознании, зрении зрителя в зависимости от дистанции между ним и предметом. И в пуантилизме дошли до предельного расчленения цвета и формы до изобразительных «молекул». В XX веке сезаннисты и кубисты предельно разрушили и формы, врезая в любой объём его невидимое измерение, вторую жизнь предмета, которую художнику мог бы рассказать его сосед, смотрящий на предметы с иной, неведомой стороны.

Так и «аналитическое» искусство Павла Филонова – объявило и показало, что под «кожей» цвета и предмета есть иная жизнь формы-цвета, что видимая «форма [буквально] изобретается» зрителями и художниками, как и любым человеком. Что всё кругом – от формы до цвета – *изобретение*, идущее после разрушения формы и снятия «кожи» цвета. Так простой человек с социального дна *художнически* понял самое главное в том, что к концу XX века узнало о себе человеческое *знание*. Интересно, что посткрестьянская природа Филонова, купеческая природа другого великого аналитика живого слова Алексея Ремизова, крестьянское происхождение Сергея Есенина, приведшего живую русскую крестьянскую речь в поэзию, равно выросли в «отходнической» Москве, где сделали фактами высокой общенациональной

культуры своё рязанско-тульское прошлое. Мне понятна и дорога эта моя общая с ними личная и этнографическая тульско-рязанская народная природа.

Ещё интересней и важней то, что поклонник Филонова из его футуристической среды, великий теоретик литературы, петербургский профессорский сын Виктор Шкловский точно так же препарировал смыслы слов и образов, чем и создал тот язык гуманитарной науки, на котором сейчас говорит половина гуманитарного человечества. Это значит, что Филонов невольно реализовал мечту старых русских гениев о том, что только подлинно национальная русская культура становится общечеловеческой и вселенской.

Филонов воевал рядовым в Первую мировую войну, делал революцию и был революционным вождём-командиром. Он прямо делал Советскую власть в изобразительном искусстве и, конечно же, был бескомпромиссным коммунистом. Именно поэтому, когда имя и школа Филонова достигли зрелости, он сам отказался от компромиссов и все 1930-е годы столпнически голодал, нестяжательно отказываясь от денег. И – разделив жизнь и смерть со своим народом – умер от голода в блокадном Ленинграде 3 декабря 1941 года.

Тридцать, а по сути пятьдесят лет продолжалось официальное забвение Филонова в СССР и, следовательно, в мире: его коммунизм был слишком труден для его пропаганды и контрпропаганды. Я помню впечатление от первого альбома-каталога «возвращённого» Филонова в конце 1980-х, когда официальный советский коммунизм уже задыхался и предавал сам себя, не имея ни пафоса, ни аргументов: Филонов был очень труден и, прямо сказать, неуместен в той «перестройке». Он, одна из жертв сталинизма, должен был бы находить себе дополнительные стимулы в разоблачениях. А он – презирал их вместе с их разоблачениями. Он ведь великий. Он не договаривается и не идёт на сделки.

ЖЕСТ:

Казимир Малевич

ЖЖ

«О закрой свои бледные ноги».

Так написал, пародийно подражая классическим одностишиям, Валерий Брюсов в 1895 году. Он хотел открыть шлюзы на пути потока творческой свободы. Но, признанный при жизни гением, он остался в русской культурной памяти, однако, холодным ремесленником, циником с тяжёлой формой мании величия.

*дыр булцыл
убешищур
скуп*

Такими своими стихами в 1913 году открыл русской поэзии чистый язык «зауми» Алексей Кручёных. Это открыло двери к публике, чаще всего скандальной, десяткам поэтов-футуристов и заумников. Это привлекло к языковым экспериментам многих странных благодетелей и искателей новизны. Они оплатили новое искусство и революцию в русском художественном языке.

В хрестоматийные знаки времени литературных мемуаров вошло свидетельство о ещё более радикальном поэтическом жесте никому не известного и сразу забытого русского поэта Василиска Гнедова, который в том же 1913 году выступил с поэмой размером в одну букву:

Ю

Он же предвосхитил целый ряд поколений творцов-акционистов в России и на Западе, в «изобразительном» искусстве и литературе, сочинив поэму вовсе без единого слова, состоящую лишь из двух жестов руки. Но ни «Ю», ни подлинный поэтический жест Василиска Гнедова не составили ему имени гения. И не дали его творчеству права стать прецедентным.

Ни Кручёных, ни тем более Гнедова не взяли в гении даже на час. Их открытия не превратили в памятники.

Точно так же, из века в век, давно поставленные на учёт составителями энциклопедий творцы раз за разом создавали свои «чёрные квадраты» как образы обычной сокрытой реальности. Есть такой прецедент и в России, публичный, но не известный науке. Но им не поставили памятники революционеры искусства. Таким революционером стал русский художник польского происхождения (в годы сталинской «коренизации» — национализации Советской Украины даже назвавший себя из

карьерных соображений украинцем) — Казимир Малевич.

Он создал себе памятник именно своим «Чёрным квадратом». И больше ничем. Так бывает.

Известное из классики современной поп-музыки клише *one hit wonder* (я бы вольно перевёл его как *гений одного чуда*) — крепкое имя для тех, кто прославился и даже вошёл в историю своего ремесла одним-единственным произведением или кратким временем своего творческого расцвета. В биографиях таких «гениев» самые интригующие места — это предыстория «точки (творческого) взрыва» и затем — кому это дала судьба — длительное угасание, забвение, смена деятельности или даже благополучная эксплуатация своего единственного достижения. Таких творцов — большинство. Даже буржуазный рынок, требующий от производителя попсы постоянного расширения ассортимента, то есть макулатуры под эгидой популярного имени или, на худой конец, постоянной «светской хроники» вокруг всё того же случайного имени, — может произвести тонны макулатуры и хроники, но не может повторить чуда.

История искусства — оставаясь историей, а не музейным собранием главных шедевров — невольно вступает в сделку с интересами рынка и показывает потребителю культуры всё без

отбора, почти всё что знает, практически не отфильтровывая в своём вещании шлак от чудес, не подчиняя биографию художника или биографию направления главному, что создаёт высшую культуру, – иерархии качества. Но вечность – лишь в иерархии. Эту вечность каждый потребитель культуры выбирает для себя сам, инерционно выбирая из Шишкина – только трёх медведей, а из Перова – лишь охотников на привале. Поэтому есть вечность пошлости и примитива. И есть вечность высших поступков. Культура вовсе не состоит из революций, но живёт между ними. На разрушительном и самоубийственном пиру революций открывая себе всё новые, режущие своей ясностью открытые глаза, пространства и горизонты.

В таких революционных поступках, часто бессмысленных, тщетных, сгорают тысячи *one hit wonders*.

Собравший себе, русскому искусству, русской левизне, советскому авангарду нескончаемый урожай всемирной славы, Казимир Малевич, художник и теоретик, – всего лишь один из тех немногих «гениев одного чуда», автор нескольких экземпляров живописного «Чёрного квадрата» (1913–1915, а также красного и белого), к которому малоценной контрабандой грубой авторской волей пристёгнуты предшествующие «квадрату»

попытки и повторы постимпрессионистских картин второго и третьего сорта.

Энергичные, динамичные, полные внутренних пружин «супрематические» композиции Малевича, призванные показать миру побеждающую силу его доктрины, показывают лишь очевидные и для архаики, и для классики, и абстракции – внутренние движения цвета, формы и композиции. На него обречён человеческий глаз. Но и «супрематизм» этот тонет в потоке второсортницы и в тени «квадрата» высшего сорта, потому что обслуживает лишь одновременную ему философию искусства Малевича. Она пытается объяснить: зачем квадрат? Зачем все эти жесты? Пытается оправдать поступок, который на деле в оправдании не нуждается.

Наверное, здесь и пролегает пропасть между «титанами эпохи» и кудесниками одного произведения: титаны творят целый универсум, как Микеланджело, Толстой и Достоевский, среди современников Малевича – Велимир Хлебников, а гении момента – эксплуатируют свою чудесную находку, объясняют и разжёвывают её, чтобы вновь и вновь пережить открытие. Как Кручёных – свою «заумь»

Художники-реалисты XX века любили оправдывать отвергаемый ими за голую абстракцию «Чёрный квадрат» Малевича виртуозными ссылками на исторический контекст. А именно на то, что де-

скать до реставрационных работ Игоря Грабаря над древними русскими иконами они представляли общему взору естественно закопчёнными, тёмными досками, что именно они, сокрытые временем гениальные русские иконы вдохновили Малевича «договорить» эту затемнённую до предела. Малевич тоже искал оправданий и очень пространно в сочинении 1915 года «От кубизма и футуризма к супрематизму» — в поэтической стилистике Ницше, Андрея Белого, Горького, Хлебникова — объяснял действительное достижение своего «квадрата» как чистой беспредметности, первобытности, абстракции и абсолюта, предельно далёких от примитива «чёрной кошки в чёрной комнате», изображённых в многообразных прецедентах «чёрного квадрата»:

Я вышел из круга вещей, с кольца горизонта, в котором заключены художник и формы природы...

Вещи исчезли как дым для новой культуры искусства, и искусство идёт к самоцели — творчества, к господству над формами природы...

Идя за формой вещей, мы не можем выйти к самоцели живописной, к непосредственному творчеству.

Живопись — краска, цвет, — она заложена внутри нашего организма. Её вспышки бывают велики и требовательны.

Моя нервная система окрашена ими.

Мозг мой горит от их цвета.

Раскрашенная плоскость — есть живая реальная форма...

Квадрат не подсознательная форма. Это творчество интуитивного разума.

Лицо нового искусства!

Квадрат живой, царственный младенец.

Первый шаг чистого творчества в искусстве. До него были наивные уродства и копии натуры.

Наш мир искусства стал новым, беспредметным, чистым.

Вскоре после таких откровений Малевич стал титульным «украинцем», руководящим советским чиновником, главой идейно-художественной школы, сполна вкусил прилагающиеся к советской чиновной службе на рубеже 1920–1930-х гг. угрозы обвинений в шпионаже и искушения политической мимикрии.

Ему, как десяткам авангардных, футуристических и заумных гениев, советская власть дала художественную власть, которой они, впрочем, так и не смогли воспользоваться для пересоздания планетарной и материальной жизни вообще, как им хотелось. От пересоздания остались кабинеты, камеры и самоубийства, а затем – роскошные дворцы съездов, в которых расположилась бывшая революционная номенклатура.

Казимир Малевич не дожил до номенклатурного дворца и остался «гением чёрного квадрата», революционером одного жеста. И перестал делать такие жесты очень задолго до того, как

пересоздание мира превратилось в перерождение революционного мифа. Наверное, потому, что свою революцию он сделал раньше 1917 года.

А переживший пересоздание и перерождение Алексей Кручёных ряд десятилетий спустя отметил в памяти учителей моего поколения красноречивой капитуляцией революционера. Известная исследовательница истории искусства делилась с московскими студентами своими воспоминаниями (не знаю: опубликованными ли) о Кручёных, знакомом её тоже известного отца. Столкнувшись с юной исследовательницей в метро (портфель с рукописями под мышкой), Кручёных испытал её:

— Знаете ли вы, почему (роковую даму в «Идиоте» Достоевского) Настасью Филипповну зовут Анастасия?

—?

— Потому что фамилия её Барашкова. Это жертва. А Анастасия по-гречески — Воскресение!

.

ЗАПАД:

Оноре Домье

Зз

Европейская история XIX века в советской системе образования имела лицо героев великого французского карикатуриста Оноре Домье. В моей памяти она связалась с революциями 1848 года и Парижской коммуной 1871-го, с «бонапартизмом», так ярко описанным Карлом Марксом. Казалось тогда, что столь же ярко вырисованные буржуазные толстячки из-под пера Оноре Домье касались лишь буржуа. Но он был натуральным революционером и в 1830-м, и в 1848-м, и в 1871-м годах — и изобразил не только буржуазные морды, но и редкие лица пролетариата, раздавленные эксплуатацией и революционной борьбой.

Уже несколько десятилетий как обнаружилось, что во французских революциях XIX века, на самом деле, трудно найти пролетариат, а на городские баррикады выходили не пролетарии, а ремесленники и мастера во главе своих семей

и своих подмастерьев, разнообразные разночинцы и интеллигенты во главе своих агитационных трудов. А крестьянская антиреволюционная Вандея – как стояла в первом революционном 1789 году незыблемым устоем косности на пути агитационного прогресса, так и простояла весь XIX век и даже весь век XX.

Оноре Домье (1808–1879) родился в семье ремесленника и рано научился рисовальному ремеслу, которое в большом городе гарантировало ему хлеб с маслом: рекламный лубок пользовался спросом, а конкуренция в этой сфере всегда обеспечивалась прежде всего умением рисовать лучше, чем рисуют другие. От этого первобытного комикса шла прямая линия в карикатуру. Карикатура требует от художника редкого умения достигать внешнего сходства и узнаваемости характера персонажа, редкого качества следить за политической публицистикой и видеть в ней не столько газетные склоки, сколько мифологическую массовую страсть искать и находить в политике символы зла и постыдности.

Несмотря на классические карикатуры, действительный исторический и художественный вес придали творчеству Домье не они, а его революционный переход к живописи, к станковой социальной критике, в которой уже терялись следы карикатуры. В ней все фигуры зла и жертвы уже

переставали быть только объектом агитации и сатиры, а становились образами Несправедливости и Революции. Уродам, из которых были поголовно укомплектованы власти и «праздно болтающие» подельники насильников и эксплуататоров, среди коих Домье особенно ненавистны были судебские демагоги, — противостояли люди почти без лиц. Это были люди-зародыши из униженного народа, несущие в себе надежду стать человеком, приобрести лицо, но без уродства. И редкие народные лица Домье — лица восставшего народа. Вне этого — непрерывный холод, нищета, обноски, голод, тьма, безликие женщины, матери, дети. И стряпчие при власти — тоже стадо, но их маски-лица отличны от безликих народных голов лишь тем, что у голов — цветочные пятна, а у лиц-масок — натуральные морды, куски рыхлого мяса, циничной натуры.

Можно легко восстановить образный мир Домье и его личную борьбу всей жизни: мурло враждебной власти против матери с маленьким ребёнком, в котором угадывается сам Домье, и против восставших молодых людей, наверное, старших братьев.

Живопись Домье очень хороша, значительно ценнее и лучше его столь революционно корректной карикатуры. Она редкостно динамична там, где автор хочет своими самыми простыми средства-

ми показать движение. Она – вне своего времени и словно не для своего времени – обращается, прежде всего, к движению глаза, тела и сердца зрителя вослед героям картины, а не его культурного сознания, которое стало бы расшифровывать мифологическое пустословие актёров. Она видимо встроена в мощную живописную традицию рождавшегося и родившегося экспрессионизма – задолго до того, как принято отсчитывать время рождения экспрессионизма. В прямой линии от Франсиско Гойи – через Оноре Домье – к Эдварду Мунку выражается центральная история европейского Модерна. Это история превращения кровавой национально-освободительной войны (Гойя) в социальную борьбу (Домье) и их вместе – в отчаяние одинокого человека (Мунк). В конце этой линии стоят обрубки людей немецкого экспрессионизма послевоенных 1920-х годов: только ужас и порнография без человека. За её пределами – современный экспрессионизм, уже автоматически понимающий всю тяжесть своего уродливого бремени и кровавой человеческой душевной красоты.

Домье как художник настолько лучше Домье-карикатуриста, что вполне уютно и конкурентно чувствует себя посреди своих современников, Курбе и Милле, которые как великие живописцы пользуются гораздо большей славой, но в своей

борьбе за новый реализм – архаичней, туманней, слабее, живописно невнятной и эмоционально беднее. Стоя рядом с ними во времени, Домье действительно превосхищает художественный и эмоциональный мир уже состоявшегося будущего, из коего мы точно можем судить, что Домье-художник опережал своё время и на 40–50 лет, и даже на 100 лет, и теперь, скрой своё имя, легко стал бы великим. Тем острее чувство подлинной гениальности Франсиско Гойи, который за 30–50 лет до Домье прошёл и для себя исчерпал его творческий пафос. Через кровавую войну в Испании – от своих бездарных придворных шпалер до бесценных «Капричос» и «Бедствий войны» – Гойя в более высокой, кричаще трагической форме превосхитил безликую драму Домье. Такова иерархия.

Но мы – не Домье. Мы – его благодарные зрители. Нам достаточно, что Домье и сам жив и актуален, что именно Домье узнаваемо присутствует в Ван Гоге, в Пикассо, в Кете Кольвиц и даже Фальке. И будет жить узнаваемо: пока бедная мать ведёт своего младшего ребёнка сквозь тьму несправедливости, а её старший сын, надежда, первенец, романтический и сильный боец, идёт на войну за человеческие свободу и справедливость.

ИСТОРИЯ ВНЕ ОПЫТА

Современные русские историки государственной власти и экономики, за единичными исключениями, НЕ имеют личного опыта ни того, ни другого. Поэтому они в большинстве своём НЕ видят хаоса и физических пределов, которые всегда лежат на пути руководящих указаний власти. Не видят естественного отсутствия единства воли в распоряжениях государственного начальства и НЕ понимают условий и смысла экономики и коммерции вообще. Зато Бог миловал: 99% из нас, ныне живущих, в полной мере вкушают плоды и отходы идейной борьбы – и потому изучают её с особым проникновением.

КОНСПИРОЛОГИЯ

Конспирология – удел кухонных вождей, слуг власти и банщиков.

Имеющий хоть какой-нибудь личный опыт государственной службы отлично знаком с исключительными любой тотальный заговор: повальным эгоизмом, зыбучим песком исполнителей, хаосом разнонаправленных воль, не говоря уж о глупости и жадности. Всё побеждает не заговор, а консенсус.

ЕДИНЫЙ УЧЕБНИК ИСТОРИИ РОССИИ XX ВЕКА

Это не большее зло тоталитаризма, чем тоталитарные исторические политики Польши, Украины, Литвы, Латвии, Эстонии и т. п., оснащённые до зубов. Историческая же политика России – беззуба и бесчелюстна.

В исторической политике России, с её правящим капиталом, графоманией и инквизицией, любая идейная монополия даёт власть циникам и ничтожествам. Оные же циники клинически не способны добиваться результата и следовать национальным интересам.

Вот яркий пример единого бесстыдства из советского учебника:

В чём заключается главная и основная ошибка Николая II? В том, что он ни в малейшей степени не был диалектиком. Он не понимал, что нельзя к Японии 1904 года подходить так, как в 1895 году, он не умел конкретизировать поло-

жение каждого определённого исторического периода, он был типичнейший метафизик, и от этого он и погиб.

(Покровский, 1925)

Что-то сейчас напишут в едином учебнике наши официальные мозги? Что-нибудь про молитвенника и исповедника Николая II?

РАБОТАЮЩИХ МОДЕЛЕЙ НЕТ

(В гуманитарном знании) – они хороши лишь как дидактический инструмент. Применяемые же к полноте фактов, конфликтуют с ними на уничтожение. «Рассуждать догматически о том, что не проверено на опыте, – есть удел невежества» (Наполеон Бонапарт. Искусство войны).

ИСПИВ ГРАФОМАНИЮ,

чувствуешь острее, где в стихах поэзия есть, а где в виршах её нет: но циркулем объяснить это нельзя.

Так и в науке: усердное переползание от одной архивной цитаты к другой – большое и полезное достижение.

Но знание (как поэзия) возникает лишь там, где историк поднимает глаза над забором цитат и в нескольких редких своих фразах говорит с полной ясностью для читателя и для себя: *Иван Грозный не убивал своего сына.*

Или: Сталин ваш так и не стал русским патриотом...

БЕДА ИСТОРИКА

Беда историка становится явной, когда – со своими школьными схемами, то есть со своей примитивной отмычкой и комикс-языком – он наконец погружается в первобытный предмет своего ремесла: и на него обрушивается, сквозь источники, особенно поврежденные, хаос альтернативной мифологии и альтернативного многоголосого языка.

Он больше не может следовать своей агитке, если историк (аферисту легче – он выхватывает из предмета искомое и якобы иллюстрирующее агитку и спокойно ложится спать сном уроды). И тогда перед ним обнажается выбор: идти ли в хаос непознаваемого со льдинки на льдинку фрагментов, постепенно выстраивая «краткий курс» лоции, – или подчинять своё описание избранному герою-любимчику, сменяя комикс дидактики на комикс безмозглой верности герою и его языку.

ЭМПАТИЯ ИСТОРИКА

В младенчестве он надевает трусы своей куклы как свои собственные – и ему не жмёт. Пока младенец.

В молодости он смотрит на мир глазами (цита-
тами) своего героя. Пока молод.
В старости считает своим героем самого себя
и уже вещает от имени своего героя. Если дурак
и ничему так и не научился.

ИСТОРИЯ

как целое может быть сравнима лишь с водо-
падом. Никаких общих закономерностей, кроме
двух: поток воды падает.
Говорящие об общих исторических закономернос-
тях философы, химики, экономисты, социологи,
писатели, физики, леонарды, математики и др. —
говорят не об истории, а о себе.

КОМПРОМИСС

между наукой и верой, ценностями и практикой,
научными и политическими школами и т. п. — не
нужен. Динамический консенсус НЕ порождается
априори. Только конфликт соответствует жизни.
(О войне: стабильный мир только с позиции
силы.)

АРХИВЫ

По роду занятий я имел дело, прежде всего, с до-
революционными и эмигрантскими частными
архивными фондами и советскими ведомствен-
ными архивными фондами.

Частные фонды великих – главное оружие против их собственных мемуаров. А после великих – едва ли не полностью – мусор, главный урок к тому, чтобы не «заводить архива».

Ведомственные фонды – главное оружие против разных партийных «Кратких курсов истории» и, как ни странно, центральный мотив к изучению личностей в их практике, а не в их нарциссизме.

КОНСПИРОЛОГИЯ

Терпеть её не могу. Но хоть она заставляет публику изучать контекст и глубину событий. Впрочем, тоже тщетно.

АРХАИКА

И ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

За 30 лет изучения русской общественной мысли пришёл к твёрдому выводу: на рубеже 1890-х и 1900-х в ней произошла терминологическая и языковая революция. И язык её остаётся в целом современным (за понятным исключением достижений и всякой моды XX века). А то, что было в ней ещё даже до середины 1890-х гг., – архаика. Из этого следует важное: нынешнее ретроградное и некритическое воспроизведение языка, например, К.Н. Леонтьева – не более чем мимесис, игра.

Ну играйте, братцы-сестрицы, только не обижайтесь, что вашу сердечную боль об Отечестве ваш язык изображает как подражательную, не актуальную.

И повторю: БЕДА РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА в том — что он живёт в своих книжках, а не в своём народе, что для него нет ни 9 мая, ни 12 апреля, что ему нечего сказать своему русскому и нерусскому большинству.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РУССКОГО ИСКУССТВА

Настоящая. А не догматически-политиканская клоунада в духе Фёдорова-Давыдова. Написать такую — моя мечта с юности и мой долг перед старшими. Но я не написал и уже не напишу. Завещаю.

ИСТОРИЯ КАК ЗАПАХ

Я застал ещё образ простой сельской крестьянской усадьбы с устойчивым и узнаваемым запахом дров, конского навоза и ветра: это был родной дом моего отца, крайний в деревне.

И Москвы — с запахом резины и мебельного лака панелей в метро и в общежитии Главного здания МГУ.

Что останется от запаха Москвы ныне? «Килограмм еды» и кофе?

ИСТОРИКИ И СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Читатели чаще историков заявляют: «история не знает сослагательного наклонения». И ошибаются. Как метод «если бы» в исторических штудиях вполне рабочий: например, что надо было бы, чтобы армия С спаслась от уничтожения в Восточной Пруссии? Насколько это реально и на ком ответственность?

Но главное в том, что только свершившаяся история не знает «если бы», а пока свершается — полна ими.

А ещё главнее — что историческое сознание масс, вождей и политических классов, действующих в истории на свой страх и риск, — ПОЛНОСТЬЮ состоит из этих «если бы».

ИСТОРИК И ВРАЧ:

1. специалист общей практики действует под копирку дидактики, схем и методов лечения, средних по больнице, — ломая индивидуальный диагноз и, соответственно, индивидуальное здоровье = уникальную историю предмета.
2. хороший, «узкий» специалист изучает индивидуальное и лишь потому уже на голову выше средне-арифметического.
3. очень хороший специалист сопровождает своё узкое и точное знание — адекватным знанием контекста, сопряжённых условий и последствий

диагноза и лечения, то есть описывает историю не только из мозга её героя, но и вокруг его социального и культурного тела.

ДИДАКТИКА, АЗБУКА, РЕЧЬ

Только глупый человек ловит кайф от излагаемых им дидактических схем, критического исследователя постоянно тошнит от его собственных схем (неизбежных в дидактике).

Учебник и краткий курс – крайне неблагодарное усилие для исследователя: и научить надо азбуке, и тошнота душит.

И преодолевать себя каждый раз никакой желчи не хватает.

ЕЩЁ ОДИН МИНУС НАШЕГО ТРУДА

Историки – при всей их гениальности – растут долго и нетленно стартуют обычно в 50. Ещё один минус их труда – он индивидуален и в общем не знает семейной среды как массового явления (в отличие от). Примеры наследования исторической профессии – единичны, а удачные примеры – ничтожны.

Вывод: это хорошо и это честно. Тащи в вечность не себя с домочадцами, а свою культуру и смысл своего народа.

КАРЬЕРА:

Кк

Владимир Маковский

Художник Владимир Егорович Маковский родился в семье художника, окружённый художниками, и наверное не имел большого выбора: быть ли ему художником. В этой ремесленной предопределённости он позволил себе даже быть бунтарём – и, вслед за старшими товарищами, восстать против салонно-академического аристократизма на защиту «передвижнической» социальной правды в станковом изобразительном искусстве. Эта демократическая борьба в искусстве, как известно, в России совпала со временем либеральных реформ императора Александра Второго, временем появления массовой разночинной интеллигенции, промышленного капитализма и народнического революционного социализма. Именно поэтому бунт художников-демократов очень скоро стал частью этой новой, более всего разночинной городской реальности и перестал бунтовать против самого главного в том, что

отвергало его в академической живописи: против обслуживания художественного рынка, игнорирующего актуальные проблемы современности, социальности, бедности, обычной негероической жизни и смерти.

Бунт кончился тогда, когда на выставки «передвижников» пришла разночинная, но более всего мещанская масса, а заказчиком стал новый капиталистический кошелёк, вытеснивший давно обнищавший кошелёк дворянского помещно-городского быта. Боль за жизнь и несчастья бедных, угнетаемых, слабых, сменилась гораздо более комфортной умеренной грустью о судьбе частного человека. Владимир Маковский сразу оседлал главные социальные сюжеты «передвижнического» демократизма твёрдой рукой ремесленника, настолько твёрдой, что в абсолютном большинстве его произведений зритель тщетно будет искать следы нервного нарушения мастерства. Они тверды как художественные фотографии: задолго до новейших технологий он научился превращать гиперреализм своих картин в торжище крупных мазков, призванных придать картине свежесть изображения, вид подлинности переживания, сделать её мёртвую предсказуемость – живой драмой.

Но нет в массовой, холодной, безукоризненной, внешне демократической живописи Владимира

Маковского живой драмы. Все её драмы – рассказы о чувствах, роли в театре, росписи положений, эксплуатация бесконечного человеческого сериала, «аристократический», доведённый до действительно классического, высокого искусства – простейший лубок. Но если лубок – даже мифологически – жил внутри истории глазами разглядывающего её повесть зрителя, делал зрителя участником примитивного лубочного ритуала, примитивного – но участником, то Маковский просто наряжал в реквизит и гримировал многочисленных натурщиков, чтобы они обозначали собою статистов. Статистами Маковского всё чаще становились именно среднеарифметические городские мещане, разночинцы зыбкого статуса меж нищетой и бедностью, их покровители, столь же бедные и морально убитые. У Маковского, некогда за компанию с «передвижниками» боровшегося с салонным романтическим академизмом, словно начисто истребили романтического героя, его мифологическую функцию, роль зрителя-соучастника, заселив освободившееся и с тех пор пустующее место многочисленными бессубъектными тараканами, почти без лица, вернее – почти даже без маски. Удивительно, но сцены-рассказы, в руках Маковского превращавшиеся в расхожие анекдоты, были редко оригинальны. Хотя – казалось

бы: иди вслед за коллегами-«передвижниками» по кабакам и меблированным комнатам, купеческим крепостям-казематам, театрам присутственных мест и твори раз за разом всё новую эпопею массовой жизни. Удивительно ещё более, что художник-демократ, пришедший к славе, достатку, успеху и статусу хрестоматийного творца, расцветший благодаря эпохе реформ, не раз просто копировал бытовые сцены, уже описанные великим Павлом Федотовым – в иное, дореформенное и хорошо известное как «мрачное» царствование Николая Первого. Ему послабления и свободы пережить не довелось. Но Маковский, дитя свобод и послаблений, копировал именно его.

Но ремесленник-новатор в Маковском всё же был крепок и жив, он уверенной рукой своей чертил почти каждую экспозицию картины в новом, анти-театральном пространстве, которое русской живописи ещё только предстояло освоить. Маковский раскрывал пространство своих сцен как книгу: её верхнюю половину он держал в полу-наклоне, в тени создавая интимную перспективу – чулана, жилья, тьмы человеческой и природной. А нижнюю половину раскрытой зрителю книги-пространства открывал вертикально – так, что все живущие в пространстве вещи и люди прямо вываливались из картины на зрителя (этот приём обычному школьному

зрителю более всего знаком по написанному много лет спустя после этих картин Маковского портрету актрисы Ермоловой). Наверное, это и было главным ремесленным приобретением Маковского и его многочисленных поклонников. Главным же жизненным приобретением демократа Маковского стала его демократическая и имперская начальственная карьера, которую азбучная биография рисует без необходимого в таких случаях пафоса. А он здесь уместен и обоснован. В 20 лет он получил базовое живописное образование. В 23 года получил высший классный чин для художника. В 26 – стал членом Товарищества передвижных художественных выставок, в 27 – получил классное звание академика той самой салонной Академии Художеств, против которой мужественно протестовали старшие «передвижники». В 28 – вошёл в руководство Товарищества передвижников. В 36 – начал преподавать живописцам. В 47 – был избран уже действительным членом Петербургской Академии Художеств, в 49 – стал ректором Императорской Академии Художеств, в 59 – действительным статским советником (статским генерал-майором). И всё это – ни на йоту не порывая с социально-мещанским демократизмом, но лишь перемежая его исполнением августейших заказов. Иного ждать было бы странно: никакая монархия ни-

когда не отказывалась от попечения над нуждами подданных. Никакая демократия никогда не закрывала пути к генеральскому чину для тех, кто умеет сочувствовать и изображать.

МАРКСИЗМ / СОЦИАЛИЗМ

ММ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

Воспитанный антикоммунистом, я приветствовал капитализм. Прожив в капитализме его первые в новой России 20 лет, я избавился от иллюзий — и стал социалистом.

Воспитанный антикоммунистом, я стал изучать историю коммунизма — и возненавидел породивший его капитализм. И стал социалистом.

КАПИТАЛИЗМ

30 лет назад я принял капитализм как норму — за его эффективность и в надежде на социальную солидарность капиталистов.

6 лет назад я презрел капитализм как самоубийство и извращение — перед лицом декоративной лжи о солидарности и тотального, слепого, людоедского эгоизма.

НАМ, ПРОЛЕТАРИЯМ

Нам, пролетариям, только сила культуры и знания даёт свободу от монополии бюрократии, аристократов и буржуа на власть (синдром Брюсова).

ПРОЛЕТАРИАТ

Пролетариату можно сопереживать, но любить его нельзя, ибо он – результат варварской эксплуатации и поэтому сам больший или меньший варвар. Нельзя любить рабство в человеке. Пролетарское состояние – зло. Именно поэтому против него и идёт борьба.

Любовь к пролетариату – если это не часть христианской любви к человеку и человечеству вообще – морально невозможна.

Можно сопереживать, сострадать положению пролетариата, быть с ним солидарным, гневно осуждать его эксплуатацию и неполноправие.

Но нельзя любить плоды бедности, неполноправия, эксплуатации – дикость, невежество, шкурность. Такая «любовь» – фальшь, лицемерие, барство, фактическое презрение к человеку.

УЧЕНИЕ ЛЕНИНА

Знакомая продавщица в овощном отделе магазина увидела у меня в руках том сочинений Ленина и спрашивает: «и чему нас Ленин учил?»

Я принял. Чему учил Лев Толстой – знаю, знаю и то, что его учение и поныне ясно как день. Но чему учил Ленин? «Немедленно отдайте мне, Ленину, власть», – ответил я.

BELLA CIAO

Сынок полюбил эту песню. Я в 5 лет тоже непрерывно её твердил. В ней – подлинный и преемственный нерв.

Для нас эта борьба – красная. А русские монархисты обречены изобретать и форсировать свой пафос постфактум. И борьба против фашизма – не их борьба, а борьба отдельных мучеников из монархической среды.

УЧЕНИЧЕСТВО

Маркс и Энгельс – русофобы.

Марксисты – очень часто германофилы, англо-маны и филосемиты.

Антикоммунисты же – часто антисемиты, но русофилы из них хреновые, ряженные, клоуны, в лучшем случае – язычники и антихристиане.

БЕДНЫЙ ЭНГЕЛЬС

Почти весь марксистский ревизионизм вышел из шинели Лассаля и позднего Энгельса, но все лавры отца ревизионизма достались душеприказчику Энгельса и биографу Лассаля Бернштейну.

А марксисты-ортодоксы, спасая мундир, умолчали ревизионизм Энгельса.

Только правящий Сталин рискнул публично не любить и ругать Энгельса, но впитал в кожу его, Энгельса, политический национализм и этатизм.

ИНТЕЛЛЕКТ ПРОТИВ РОССИИ

Самым умственно опасным врагом СССР были русские меньшевики в США: именно они создали доктрину тоталитаризма и укомплектовали русский отдел ЦРУ. Они знали СССР изнутри.

Теперь же в интеллекте Запада против России звездят польские клоуны из среды славистов. Один такой считает свою бредовую пропаганду глубоким знанием потому, что умеет играть на балалайке, а паттерн «Единой России» с медведем на логотипе возводит к польской же антирусской пропаганде периода Ливонской войны XVI века. С такими врагами и разведчики не нужны. Наступает такой придурок на наше Отечество и с удивлением обнаруживает в нём Гагарина и С-500. А уж поляки могли бы кое-что знать о нас, ибо наши польские братья брали вместе с нами Берлин в 1945 году.

СТАРЫЙ МАРКСИЗМ

— был дорог культом знания, а советский и нынешний — отвратны пустословием и контрфактическим солипсизмом.

СИЛА МАРКСИЗМА-ТРАНСМАРКСИЗМА

— в культе знания, который вот уже 150 лет противостоит другой половине Модерна — культуре самозаконной, самозванной, самодостаточной — и в общем невежественной — интерпретации.

КОММУНИСТЫ!!

Прочтите «Об общественном идеале» П.И. Новгородцева — и станете твердокаменными социалистами.

Честные либералы ничего нового в этом для себя не найдут и останутся социал-либералами.

«ИДИОТИЗМ СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ»?

Говоря *Idiotismus des Landlebens*, Маркс просто не мог принять хтоническую силу крестьянства. Мне и моим, выскочкам из крестьянской и транскрестьянской среды, её первобытный ХОЛОД очень хорошо знаком. И этот холод посильней Гегеля будет. Это холод биологической смерти и жизни.

ПРАГА

Почему чехи, имея мощнейшую армию, не восстали в 1938 и 1939? Почему чехи с голыми руками восстали в 1968? Думаю потому, что

прежде им в Париже сказали: нельзя. А в 1968 Париж восстал сам и тем самым подал пример того, что это не только можно, но и безопасно. Так что не только кровавый коммунизм виноват, воспретивший путь к социализму с лицом, но и суверенная воля народа, которая легла в 1938, но поднялась в 1968. Вернее, её отсутствие, то есть грубое рабство даже в восстании.

МЕЩАНЕ:

Борис Кустодиев

ММ

Борис Михайлович Кустодиев родился и вырос в провинциальной духовной среде, но рано сделал успешную карьеру столичного художника, стал мастером салонного портрета (и портрета, в частности, «народного» Николая Второго), достиг яркой известности и материальной независимости. Но на самом пике успеха, славы и жизненных сил – в 1912 году – его настиг тяжёлый недуг, приковавший его к постели и глубокому креслу. Инвалидность, война, смута, разрушение жизненной среды не остановили художника: он легко легализовался при Советской власти, одним из первых сменив «народного» Николая Второго на «народного вождя» Большевика. Его жизненный подвиг, тем не менее, остался подвигом подлинного и свободного от партийности искусства, сделал труд художника одним из ярчайших образов русского национального и даже народного, этнографического, но высокого, интернационального качества искусства.

Его образцы столь просты и сложны одновременно, что попытки подражания или развития кустодиевского наследия редки, хоть и удачны (из современных художников могу назвать петербургского Андрея Петрова).

Что главное в образе кустодиевского мира?

Главное — белый свет и белый снег русского традиционного города, наполненного мещанами и мелкими буржуа, ярмарками и масленицами, банями, хлебами, санками, церквями, шубами, витринами праздника, рождественскими чудесами, тихим юмором о себе, скромной любовью к своему, частному. В этом ныне умершем мире — поныне живой стержень Божьего света и частного лада, бедного, но не голодного.

Последний акт недолгой демократизации и чуть-чуть зажиточности обыденной народной жизни, которая прошла вместе с войной за выживание России, вместе с войной за подготовку к войне. В этом мире — частная маленькая правда постепенного освобождения от нужды, супротив которой суровая массовая правда рабочей казармы и деревенской грязи — менее перспективна и художественна.

В этом смысле тихий рай малой частной скромной уютности и отдельности советской жизни 1960–1970-х с её «амбивалентностью» шукшинских героев и фанаберии идиотизма — стал почвой для

повторения кустодиевского света. Но свет этот стал грязным и не повторился, рухнув в новую смуту и войну. И Кустодиев остался мерой для чаемого личного счастья. Тем и жив, тем и важен.

МОНАРХИЗМ

ММ

МОНАРХИСТ И ЧЛЕН СЕКТЫ: ОТЛИЧИЕ

Историк, монархист С.Ф. Платонов считал Николая Второго «дегенератом» (свидетельство Е.В. Тарле).

МОНАРХИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП

Он категорически враждебен сусальной фальши и пр., его так сказать «экзистенциальный» пример для меня – это сцена из гибсоновского фильма «Апокалипсис», где оставшиеся в живых дети провожают, пока могут, своих угоняемых в плен родителей. И во главе их – единственная старшая девочка лет 10. Их ждёт ужас. А её – ужас вдвойне. ВНЕ борьбы с ужасом жизни монархический принцип – дрянь и пошлость.

НИКОЛАЙ II – СТАЛИН – ГОРБАЧЁВ

Русские интеллигентские культы-антикульты Николая II, Сталина, Горбачёва – всего лишь постыд-

ная трусость, неспособность честно жить внутри истории своего народа и своей семьи, позорная страсть жить в комиксе, превращение – вовсе не в идейного борца – в прыщавого юзера гаджета, слюнявого и жестокого.

МОНАРХИЗМ И ЕДИНОВЛАСТИЕ

– не синонимы. Это единовластие и единство власти. Россия не жила и не живёт без единства власти.

Монархия создала и она же похоронила старую Россию в 1917-м.

Единовластие восстановило её большую часть – и опять похоронило в 1991-м.

Единство власти восстановило часть России после 2000-го – и прекратилось. И новая смута готовится сейчас похоронить её снова.

ОТЛИЧАЕТ ЛИ нео- или палеомонархическая мысль монархизм от единовластия? Отличает: помазанием. КАКИЕ государственные и социальные задачи решает это помазание? Ровным счётом никаких.

Формально консервативный, этот монархизм – не государственный вообще, катакомбный, столпнический в его риторике, анархический, антигосударственный, противокультурный и противонародный. ЕСЛИ верить в его искренность. Но с этим – сомнения.

Никто не сел на столп, не отказался от денег, не удалился в катакомбу, и НЕ ПЕРЕСТАЛ ЖРАТЬ. Но милостиво предлагает своему народу не жить вообще.

ИСТОРИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ

— о монархии, гражданской войне и сталинизме — удел игроков, которые лично в этой игре не убиты и не убивают.

Но КАК ЛЮДИ, пережившие 1991 год, могут быть последовательными монархистами, я искренне не понимаю. Жертвы монархического принципа управления, уничтожившего страну в 1917 и 1991 гг., стали монархистами «именно» потому, что он уничтожил?

ОТЕЦ, МАТЬ И РОССИЯ

Ты — отец (мать). В твоём доме — пожар, на него наступает сильнейший враг. В доме — твои родители, дети, братья и сёстры, их дети. Они ведут героическую борьбу против врага и тушат пожар. Но среди них много слабых, больных, глупых, подлых, злых.

И в этот момент ты прекращаешь борьбу и удаляешься в чулан, чтобы там ожидать воли Божией, как Борис, Глеб и Николай Второй. Кто ты после этого? Правильно: дурак, подлец, враг и предатель.

СТАРЕЮ,

ибо по-прежнему верю, что: врач — лечит, лётчик — летает, танцор — танцует, историк — исследует, а царь — правит, а не умывает руки, губя страну ради «морального урока человечеству».

ПАТОКА И ПРАВДУРУБ

Мужественное слово правды русского национализма про врагов и подвражников! — и одновременно сусальная патока и фальшь про Николая Второго =

и всё из одних и тех же уст!!

что-то их объединяет?

наверное, что-то психологическое...

РУССКИЙ НИКОЛАЙ ВТОРОЙ

Да, культ Николая II — это тест. Для русского человека и русского народа — это тест на готовность к поражению и самоубийству.

ЖЕРТВЫ

Жаль царскую семью.

Жаль Светлану Аллилуеву.

Но ведь среди миллионов жертв исполнения или неисполнения власти их отцами — тоже абсолютно невинные младенцы. За что ж тогда эта

добровольная любовь стада к бойне? Отчего оно дарит право на человеческое страдание только своим палачам?

ПУТИН

Премьер ещё Примаков. Путин ещё директор ФСБ. В главном тогда месте политических и прочих русских онлайн-дискуссий на «конфе» Полит.ру появляется неизвестно кем дважды заглавными буквами пущенная строка «ПУТИН НАШ ПРЕЗИДЕНТ».

До назначения Путина премьером ещё три с половиной месяца. На часах ночь с 23 на 24 апреля 1999 года, все настолько удивлены неадекватностью таких реплик (потому что в обществе преемниками Ельцина хором называют Примакова или Лужкова), что сей постинг даже не комментируют.

МОСКВА

ММ

АВТОМОБИЛЬНАЯ ПРОБКА

Первое в русской литературе описание автомобильной пробки в Москве было сделано Брюсовым уже в 1903 году – «Конь блед». Заранее.

МАСКВА

Хвалил я старшей дочке мелкий снег с неба. Как на моей родине – он покрывает немые белые поля, по краям которых дрожат кусты и перелески. А меж них – пробегают следы птиц, зайцев и лис. Впрочем, и в Москве на фоне серых домов – тоже ничего, трогательно. Вот только под ногами – грязь, которой у нас нет зимой.

«У нас» – это не в Москве.

«Вот и езжай туда жить», – сказал мне вежливый мой подросток.

«Не могу, – ответил я. – Здесь моя работа и мои дети».

«А я – москвичка», – ответила мне московская девица. Это пройдет.

Это уже проходит, потому что она, как и я, как и её старший брат (тоже, к счастью, идейный не москвич), всем сердцем влюбились в Санкт-Петербург.

НА РАССТОЯНИИ ПРОТЯНУТОЙ РУКИ

В 1975 году мы с бабушкой поехали через Москву в Ровно. Она отказалась ехать на метро с Павелецкого на Киевский вокзал и с удивительной для меня уверенностью погрузилась со мной в такси, а прибыв – вызвала ещё большее моё удивление, когда уверенной рукой дала таксисту «на пиво», словно всю жизнь так и жила.

Теперь я понимаю, отчего было так. Моя бабушка Анна, крестьянка из раскулаченной семьи, в 1930–1932 гг. жила при муже-управдоме в Москве, пока их обоих не выгнали вон как беспаспортных. А метро в Москве появилось лишь в 1935-м. С тех пор бабушка в Москве не бывала. И, похоже, в Москве освоила тогда только извозчиков.

В Москве в марте 1953 года побывала лишь моя мать. Хоронила Сталина.

СОЦИАЛЬНОЕ ЛИЦО ПРЕЖНЕЙ МОСКВЫ ИЗНУТРИ

Я с 1984 года в Москве.

Самой омерзительной частью её населения были в 1980-е те, кто прошли поселение в ней «по лимиту» (т.е. через 15–20 лет ожидания посто-

янной прописки и на коротком дисциплинарном поводке) или родились в среде таковых.

КОГДА МОСКВА БЫЛА ТЁМНОЙ

В марте 1992 года поздним вечером шёл я с племянником вдоль кремлёвской стены, по набережной. Ни стены Кремля, ни башни не освещались — и в обычно светлом, серо-жёлтом московском ночном небе немо стояла тёмная глыба Кремля. И Родина была во тьме, но не остывала и не замирала, даже не задерживала дыхания.

МОСКВА

Сегодня у метро Третьяковская три яркие московские закавказские красавицы (о национальности умолчим) агитируют за кандидата в мэры Митрохина: «Вернём Москву москвичам!!», им помогает кричать негр, рекламирующий местное интернет-кафе. Все весело смеются.

УЛИЦА

Гигантского роста агитатор у метро Павелецкая, где традиционное место встречи идущих с работы толп страховщиков и трудовых мигрантов с давно не работающими побирушками, цыганами и вонючими разноплеменными бомжами, раздаёт листовки и громко желает самые сильные

пожелания. Вот, думаю, открытие для выборной кампании. Чей же? «Евреи за Христа».

КЛАССОВАЯ РОЗНЬ

Покупаем с дочками в магазине веник. Продавец-киргизка рекомендует. Я комментирую: «Дохлават что-то. Когда я был дворником, я вязал метёлки в разы гуще...» Наблюдающая за нами бабка-покупательница плюётся в сердцах и отходит в сторону: «Тьфу! Понаехали...»

Вот здесь и проходит меж нами классовая граница. Я понаехал в 1984 году. («Понаехал», отглагольное существительное, употребляемое от первого лица, на моей памяти ввёл в оборот новосибирский журналист Дмитрий Виноградов.)

ПОКАЗАНИЯ ПЕШЕХОДА

Пушкинская. Угол Тверской улицы и Тверского бульвара.

В том самом центре Москве, где чаще всего в последние 25 лет проходили непрерывные акции протеста против сменяющихся один за другим кровавых режимов, на Пушкинской площади, в подземном переходе под ней стоит молодая, дородная, холёная, нагульная тётка. Бликуя тёмными очками на голове и извиваясь отчасти избыточным пузом, тряся кольцами и непрерывно

громко говоря по мобильному телефону, она надписью на картонке просит подаяния. Перед ней – коробка из-под обуви. На второй руке – ничтожно мелкая, трясущаяся от аристократизма, пучеглазая собачка неизвестной мне экстремальной породы. Надпись на картонке гласит: «Подайте на корм собаке». Мучительно ломаю голову, чтобы съязвить внутренним голосом: «На прокорм какой собаке?... Во сколько раз деликатес для таракана дешевле телефонного разговора?... Давно ли с митинга против режима?... Не лучше ли...» Всё получается плоско. Фантазия бессильна. Реальность продолжает телефонно кричать.

Замоскворечье. Сложное недоумение. У дверей в маленький двухэтажный дом, разделённый на секции продаж и услуг, и по имени, конечно же, «Пассаж», сидит на стуле престарелый охранник в вычурной форме в стиле «неподвластный шериф».

«Неподвластный шериф» столь стар, что вспоминается формула о том, что же делает такой охранник, когда вокруг его стула происходит беззаконие: «мы не пресекаем, а наблюдаем и жмём тревожную кнопку». Старик, ни на кого не глядя, непрерывно строчит что-то в тетрадке.

В поисках народного мемуариста заглядываю через плечо: в рыхлой уже тетради листы тотально исписаны уверенным автографом деда,

его личная подпись к подписи, строка в строку. Дед либо только что из министров, либо завтра же обратно туда – набивает руку.

В упор рядом с «неподвластным шерифом» – острый московский метис. Торгует орденовыми лентами, колодками и планками всех постсоветских государств, включая непризнанные. Похоже, «неподвластный шериф» подрабатывает у него.

Пушкинская. Палашёвский переулок. Идя по улице, слышу, как мужик – по виду слесарь с 40-летним стажем – кричит по телефону на всю округу:

– Я продвигаю ваши ИДЕАЛЫ! Я продвигаю ваши ИДЕАЛЫ!

Думаю: бедный-бедный его собеседник. Я б дедку и трусы продвигать не доверил. Прохожу ближе – мужик не перестаёт кричать в трубку:

– Я продвигаю ваши диваны!

Я посрамлён.

ОРКЕСТР:

Оо

Василий Розанов

Василий Васильевич Розанов для целых поколений русской интеллектуальной культуры 1900–1920-х и 1970–2010-х годов стал создателем и самым ярким образцом стиля. Если кратко определить этот стиль, то лучшим названием для него будет имя «полифонии», некогда изобретённое специально для описания Достоевского М. М. Бахтиным. Но, в отличие от великого классика русской литературы, В. В. Розанов реализовал эту «полифонию» не в хоре романских событий, героев, диалогов, повествователей и эпизодов, а в оркестре, где композитором, дирижёром и исполнителем на всех инструментах был один человек – сам Розанов. И звучали в его творческой жизни параллельно, если не одновременно, несколько – часто взаимоисключающих – больших симфоний. Квинтэссенция такой «полифонии» – давний жанр публичного дневника, доведённый именно Розановым до предельной славы и со-

вершенства, раздробленный им до слов и фраз, доведённый до виртуозности в текстуальном минимализме. Где боль, смерть, культура, мелочность быта, юродство и смелость были созданы гениальными его едва-прикосновениями слов к белой толстой бумаге.

По сравнению с Розановым, недавно литературно «канонизированный» в качестве «гептастилиста», но давно уже открытый и прославленный именно Розановым и Н. А. Бердяевым, Константин Леонтьев – просто архаичный и монотонный чтец-декламатор. Розанов же – непобедимый учитель для бесконечного легиона подражателей и эпигонов, где стилистически самыми яркими за последние 25 лет стали Галковский, Безродный и Гаспаров – именно стилистически. Ибо свобода от гигантского массива освоенных знаний, тем, зависимостей, свобода быть слабым и великим одновременно, как это было явлено Розановым, им почему-то не передалась: остались одни цитаты и автоцитаты, а человек так и не вышел из-за кулис.

От какофонии, фрагментации, многословия библиотеки Розанова спас сам Розанов – его открытая, сложная, разнообразная и мощная личность, которую друзья и недруги не знали как именно определить, связать, сковать и куда уместить. Только один-единственный человек во

всей истории русской политики и литературы мог с успехом, не скрываясь, сотрудничать в партийно и стилистически взаимоисключающих периодических изданиях — от классических и позитивистских, правых и монархических, церковных и антиеврейских — до модернистских, либеральных, левых, религиозных, но антицерковных, и юдофильских. Соединить это всё в себе — и почти не испачкаться, получить клеймо «циника» и «аморалиста» — и легко смахнуть с себя этот отсохший комок грязи — смог только Розанов. Он умер в 1919 году в голоде и нищете. Он просто не пережил своего мира, гениальный диагноз которому первым же и поставил в 1917 году, сказав, что вся эта большая и исторически бесконечная Россия, её власть «слиняла в три дня». С таким диагнозом Россия и выжила вновь и вновь умерла так же, в три дня, в 1991 году. Совершенно невозможно понять: что особенного в самообнажённых своих судьбе и личности, кроме масштаба, продемонстрировал Розанов, что позволило ему из простых газетных писателей, каждой мышце своих страданий посвятившему по статье и даже книге, одним шагом перейти из сонма много пишущих графоманов — в первый ряд русских классиков, через который до сих пор прорастают всё новые русские мальчишки. Чьи многотомные собрания сочинений и переписки

начинают издавать и переиздавать, не окончив уже начатые, — и ни разу не ошиблись, ибо все они растворяются без следа в читательском поролоне в самые бедные и глухие годы для книжной торговли.

Провинциальный книголюб, безотцовщина, но успешный выпускник Московского университета, он совсем ещё молодым человеком издал философский труд высшего качества «О понимании», который тогда никто не заметил, не купил и не прочитал и, не читая, все признали неудобоваримым и непонятным, — пока лишь в начале XXI-го века его не переиздали энтузиасты. И обнаружилось, что это труд вообще не для двух извилин. Провинциальный поклонник Достоевского, он и принёс себя в жертву его личной памяти, женившись, несмотря на 17-летнюю разницу, на его престарелой любовнице, которой, однако, хватило жизненных сил 20 лет отказывать Розанову в разводе, обрекая его детей на отвратительную по тем временам незаконнорождённость. Именно поэтому Розанов стал центральным в России специалистом по «семейному вопросу» и предъявил стране сотни страниц бюрократически-семейного ужаса и несправедливости.

Провинциальный учитель в Елецкой гимназии, именно Розанов своей властью репрессировал сразу трёх своих учеников разных лет, каждый

из которых составил славу русской культуры – Ивана Бунина, Сергея Булгакова и Михаила Пришвина. И все они – в ряду его почитателей. Обременённый муж и отец, непрерывно всю жизнь тяжело нуждавшийся и потому ежедневно исполнявший газетную каторгу, перерабатывавший гору повременной литературы, он не дал себе творчески вымереть и оставил после себя многотомие энциклопедических по кругозору трудов о русской культуре, из которых – несколько томов не войдут никогда в школьную программу только потому, что русская гуманитарная школа, наверное, будет окончательно превращена в процесс заполнения квадратиков галочками. Поэт сексуальной любви, скандальный интимник литературного круга, Розанов – и это в нём проговаривается непрерывно – верный рыцарь матери своих детей и своих детей. Нелицеприятнейший ругатель знакомых и близких, Розанов – и это видно на каждой его странице – человек самого искреннего покаяния и любви.

Страшный участником в разжигании «дела Бейлиса», Розанов – и это знает каждый грамотный его читатель – перед смертью завещал всё своё наследие еврейскому народу.

Детально описавший «тёмный лик христианства» и «русскую церковь в параличе», Розанов – великий именно христианский мыслитель.

Уверенно юродствовавший в печати, Розанов очень хорошо знал себе цену и очень хорошо понимал своё значение для русской культуры, которое нам открывается только теперь.

ОСТРОВ

Всю жизнь мечтал жить на острове. И скоро понял, как его зовут: это Васильевский остров в Петербурге. Вы потом кланяйтесь ему от меня в будущем счастливом нашем Отечестве.

* * *

Кончиться можем только мы, Россия продолжается. Кричать же и торопить нельзя.

(В.Б. Шкловский. Сентиментальное путешествие. 1923)

ПАТРИОТКИ

Навстречу мне по Фонтанке идут две молодые худые петербурженки. Одна, что с пивом в руке, громко и удовлетворённо говорит другой:
— Ведь будет же так, что России не будет. Будет.
И тут же тревожно:

– Но что будет на её месте?

Ээээ, думаю я, девочки. Сколько миллионов говорили в 1918-м и в 1941-м, что Россия умерла, сколько ещё после вас сменится поколений, пока история прекратится и Россия вместе с ней.

СПОСОБЕН ЛИ ПРОВИНЦИАЛИЗМ БЫТЬ ТВЁРДЫМ?

Требование к власти БЫТЬ ТВЁРДЫМ к шантажистам всегда ломается на том, что власть прежде должна начать с себя и быть твёрдой по отношению к собственной измене. Но она этого делать не может, пока её суть – провинциальная, колониальная и компрадорская

Когда Русская Польша опять восстала, имперский Петербург сочувствовал ей. Именно поэтому М.Н. Катков писал 12 июня 1863 года об этом отношении к восстанию так:

Угодливость притязаниям есть слабость, никогда ничего не излечивающая, а, напротив, поощряющая нахальство, которое, видя в ней только робость, возвышает свои требования и насмехается над законом... Чьи-нибудь интересы всегда приносятся в жертву, а никто не имеет права жертвовать ничьими, кроме своих, интересов. Популяричить на чужой счёт нечестно. Вот почему уступчивость и угодливость в общественных делах несовместима не только с либерализмом, но даже и с честностью.

ПОЛЬША

В отрочестве мне было неприятно, что Суворов подавил поляков. В моём сознании это не умещалось не из-за советской пропаганды, утверждавшей светлый облик Костюшки. Не знал я тогда этого. А потому, что, в глубокое советское время отыскивая в школьном атласе имя «Россия» на зелёной карте Российской империи, я мечтал и не мог мечтать о России реальной.

Борьба за национальную свободу — одна из самых подлинных и стоящих в этой жизни.

Но в этой борьбе, как и во всём подлинном, дьявол живёт в подкладке — в империализме национального освобождения поляков, венгров, румын, шведов-финнов в отношении украинцев, сербов, белорусов, русских, карел, опять венгров. В этом различии — суть русско-польского вопроса.

ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК И РУССКИЙ ПЕЙЗАЖ

Когда я был маленьким и изучал испанский язык, мой учитель так описывал испанское мироощущение, вытекающее из языка: ровная, как стол, степь, в степи — дерево, над ними — огромное солнце, как яблоко. Трудно сказать, испанское ли мироощущение излагал учитель, но я, среднерусский, лесостепной человек, впервые почувствовал

ландшафтное бессилие отечественной литературы и великое мистификаторское мастерство отечественного фотоискусства.

Неожиданно оказывалось, что вся ямщицкая русская даль, все записки о ней праздно гуляющего посреди крепостного права охотника — есть грустный вымысел страдающего от клаустрофобии сознания. Никто, никто сам по себе не вскрикивал до сердечных спазм от оптических эффектов над земной поверхностью России: ни упиравшийся бессмысленными глазами в колдобины мужичок, ни благонамеренный турист. И даже Лев Толстой при виде закатного солнечного кровяка думал не о ландшафте, а о смерти, тщетно украдающей человеческий смысл. «Нет, нет — всё не зря», — бормотал Лев Толстой, и обратная перспектива божественных пространств вытесняла из русской культуры посюстороннюю географию.

Но человек, намаевшись взаперти, молитвами и клятвами вырывается на свежий воздух, в загибающуюся ширь горизонтов — и не может дышать.

13 января 1994

ВИЗАНТИЯ-МАТЬ

Есть ли в русской культуре нечто, что может заменить ей византийскую культуру, западное

просвещение и марксистское социальное знание (которое, в общем, часть этого просвещения)? Нет, ничего нет, кроме крох языческой этнографии.

Я НАЗОВУ ТЕБЯ ЕДОЙ

Белые и красные агитаторы пишут, что и СССР – не Россия, и РФ – не СССР, и РФ – не Россия. Это для того, чтобы назвать нашу страну – не страной, наш народ – не народом, а наших людей – не людьми. И тем развязать свои руки, уставшие от онанизма, для как минимум символического убийства страны и народа во имя своих схемок и схемочек в книжечках.

СУВЕРЕНИТЕТ РСФСР ВНУТРИ СССР

Декларация Верховного Совета РСФСР от 12 июня 1990 г. о суверенитете РСФСР была единственным способом уравнивать Россию с другими союзными республиками. На тот момент, по заявлению председателя СМ РСФСР А.В. Власова, на территории РСФСР только 4% экономики находилось в ведении самой РСФСР – остальное было в ведении СССР.

МЕМУАР О ГИМНЕ РОССИИ

Несколько копеек, что я могу сообщить неизвестного науке. В ноябре 2000 года Путин через

Госсовет поручил комиссии во главе с губернатором Санкт-Петербурга Яковлевым (с которым я тогда работал) провести конкурс на сочинение текста для советского гимна, которым решили заменить бессловесную «Патриотическую песнь» Глинки. 10 лет она была гимном России и я её очень любил, но вся творческая мощь демократической России оказалась бессильна сочинить минимально приемлемые слова.

Уже при начале конкурса появился Н. Михалков, через которого предложение написать слова было передано его отцу, все иные участники, включая Г.М. Поженяна, рассматривались как массовка (впрочем, текст Поженяну и не удался). Вскоре один из помощников Яковлева отправился к С. Михалкову и привёз от него машинописный (!) текст с живой подписью — известный как первый вариант. Итог был предопределён.

Я решил было, архивная душа, оставить себе оригинал, а копию отдать в Кремль — на это никто не обращал внимания, но не стал. Уж очень была дорога мне «Патриотическая песнь».

МОБИЛИЗАЦИЯ

Нет больше той, уничтоженной Сталиным, абсолютно крестьянской страны, нет больше индустриализации почти «с нуля», в мясорубке которой заключённые, пленные, ссыльные, беглые

крестьяне и «свободные» рабочие были социально равны в труде, жилье и еде. Нет больше сталинской проблемы создания «второго индустриального центра», неуязвимого для агрессора. Есть брежневская нефтегазоносная Западная Сибирь, продуваемая всеми ракетно-ядерными и военнокосмическими ветрами врага.

Нет больше проблемы ядерного паритета с Хиросимой.

Нет больше проблемы массовой грамотности и минимального массового здравоохранения. Есть тотальная зависимость от лекарств. Есть минимальная техническая грамотность, гарантирующая тотальный медийно-потребительский контроль «айфонов» над большинством населения, в котором центральная власть может конкурировать с западным «Левиафаном» только в самой первобытной глубине национального самосохранения, поднявшей свой голос за Крым.

Нет больше условий для массовой мобилизации экономики, ибо любая её попытка вне правил современной спекулятивной и неокOLONиальной в отношении России мировой экономики — сделает её финансово нищей. А всероссийские энергетические, трубопроводные, дорожные сети и ульи ЖКХ — мгновенно превратят города в пристанища варварства.

Но и это — не главное. Главное в том, что сейчас против России — один из инструментальных наслед-

ников СССР, новый, западный Берия, подчинивший государственной безопасности и пропаганде как минимум половину сфер государственной деятельности: от шпионажа – до уголовной полиции, от новейших изобретений – до противовоздушной обороны, от управления спутниками и иностранными вождями – до золотодобычи. Вся эта тоталитарная сеть теперь в руках евроатлантического врага, шаг за шагом, чтобы не лопнуть, ведущего дело к полному историческому уничтожению России. Хотя бы просто потому, что она – «велика», что она – «авторитарна», что она – имеет свои национальные интересы.

Бессмысленно говорить о мобилизации там, где нечего мобилизовывать, кроме национального духа. И некому. Глупо мобилизовываться, если не понимаешь масштаб угрозы. Если твой собственный правящий экономист едет в Давос клясться в компрадорской верности неокOLONIAльному оккупанту. Поэтому в современной русской политической мысли актуальное обращение к Сталину, будь оно за или против, – удел невеж или демагогов. И нет у них ни страны, ни Сталина.

СОЗДАТЕЛИ УКРАИНЫ

Создание и отделение от России большой украинской Украины навеки останется крупным историческим преступлением перед Россией царизма,

РАН (решение РАН от 1905 года о признании украинского языка отдельным языком, что — в правилах того времени — прямо означало признание права на отдельную государственность), Ленина и Сталина.

Историческая Россия — без Украины — умерла. К счастью, рождается на её развалинах новая Россия, но и для неё отделённая и всё более исторически враждебная Украина навеки будет крупной исторической травмой.

К счастью же, самой большой Украине жить осталось недолго.

«РОССИЯ ИЛИ СВОБОДА?»

Очередной глубокомысленный дурак, считая себя изобретателем смысла, сказал: «Россия или свобода?». Но это ещё сто лет назад сказал ещё фразёр Мережковский и выбрал «свободу», чтобы облобызть длани свободолюбивого Муссолини. Но как без государства нет безопасности и свободы, так и для русского человека свободы нет без России. А для восточного тиморца — без Восточного Тимора.

НЕЛОЯЛЬНЫЙ РЕЖИМ

«Это режим самодовлеющего бюрократизма, грубого и нелояльного. Вы помните, от кого исходит это определение? Не от какого-либо бессильного моралиста, нет – от величайшего революционера нашего столетия [– Ленина]. Нелояльный режим – вот опаснейшая из всех опасностей» (Л.Д. Троцкий, 12 сентября 1928).

Затяжная борьба против правительства фатально приводит к границе, за которой начинается борьба против собственной страны. И точно определить эту границу невозможно.

(П. Н. Милюков, 1910)

ПОЛЬЗА ИХ МЕМУАРОВ

Что коммунистов, что либертарианцев – о том, как они были у власти и т. п. Из них с равной определённой вытекает, что действовали они вовсе НЕ исходя из изучения

матчасти, НЕ из детального анализа первых последствий своих экспериментов, а исходя из прямой реализации своей азбуки. При этом – часто даже из первых страниц азбуки.

Именно в этом, например, гениальный вклад Гайдара в либеральный транзит в сторону от социализма: либерализация цен БЕЗ демонополизации и приватизации экономики. То есть производ, олигархия и вивисекция.

ДЕКОММУНИЗАЦИЯ

«Люстрация!», – кричит оскорблённая юность. Не помнит, что лицо и вождь либеральных реформ и предполагаемый вождь люстрации Гайдар в 1991 году – завотделом экономики центрального теоретического органа ЦК КПСС журнала «Коммунист». Главинквизитор в роли главпалача.

ЛИБЕРАЛЫ

Либералы отрицают в не-либералах наличие у них собственных сознания, воли и совести, то есть попросту не считают их людьми или как минимум честными людьми.

Себя же они освобождают от «химеры совести» по отношению к не-либералам, то есть являются социально-политическими расистами.

Их цель — не только не свобода для всех, и даже не просто общественная свобода, а своя личная свобода на власть, то есть личная власть без ответственности.

НЕВОЛЬНАЯ ЦЕНА

Конечно, послереволюционное вступление Брюсова в партию большевиков было отчаянной пошлостью (при том, что начальственная служба в советских учреждениях пошлостью не была). Но более всего именно это спасло для официальной советской культуры вплоть до конца 1980-х годов целый пласт высокой русской культуры начала XX века, частью которой был Брюсов. Один лишь Блок со своими «Двенадцатью» обеспечить этого не смог бы.

Легко теперь квакать оппозиционным верещанием, сидя возле кормушки кровавого режима.

ЕСТЕСТВЕННЫЕ И НЕЕСТЕСТВЕННЫЕ

Гуманитарий, я всегда с восторженным почтением (пока они не лезли поучать общества своей механике и наукометрии) относился к естественным наукам. И удивлялся смирению самых варварских государств, признававших их право на свой птичий язык и свои роскошные профессуры. Думалось, что бомба и газы служили мотивами государствам терпеть их птичий язык.

Но бомба и газы на деле убили гораздо меньше людей, чем убили и продолжают убивать практические плоды идеологических ядов гуманитариев – национализм, расизм и прочие вивисекции. Их гордыня гораздо страшнее наивной невменяемости инженеров.

ПОЛОВЫЕ ПРИЗНАКИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

На языке старого марксизма интеллигенцию можно было определить как самосознающего субъекта общественного духовного производства. Но, поскольку ещё при жизни старого марксизма было обнаружено и доказано, что духовным общественным производством легко счесть и ритуал, и массовый миф, и индивидуально порождаемый язык, который человек передаёт своим детям, простор для поиска признаков интеллигенции снова широк. Особенно теперь, когда она политическая маргинальность в мучительном самоудовлетворении, самовознесении и самомнении ищет себе новых формул.

Вот им на помощь.

Интеллигентную женщину от неинтеллигентной легко отличить в первые года два после родов. Интеллигентная в это время приобретает лицо мучительной радости, а неинтеллигентная – лицо взбесившейся языческой мании величия и спеси. Нерожавших же женщин и мужчин на интеллигентных и неинтеллигентных рассекает вышеупо-

мянутое самоопределение. Если человек считает себя (в широком спектре от элитарной белой кости до психопатического юродства) по своим моральным и интеллектуальным качествам выше народного большинства, — то он-она — явный и неизлечимый интеллигент.

МЫСЛЯЩИЙ ТРОСТНИК

В мыслящем тростнике доминирует шум.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ. ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Сколько копий и пальцев было сломано вокруг определения интеллигенции, но не знаю я более умеренного, отчасти капитулирующего перед спецификой, требующего новых разъяснений, но максимально приемлемого определения, нежели данное Гасаном Гусейновым:

Самоназвание общественных групп, занятых умственным трудом и противопоставляющих себя народу и власти.

29 апреля 1994

ТЩЕСЛАВНЫЕ «ЭЛИТЫ»

Если понимать их функционально, то отчего бы не звать политический класс «элитами», твёрдо помня, что именно политический класс всегда, самоубийствуя, убивает свою страну и погружает её народ в хаос.

Но писатели наши, полоская это слово отнюдь не нейтрально, подсознательно себя хотят видеть как минимум их умственной частью – и не нести ответственности ни за что.

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ

Два имени мои товарищи поставили в центр этого нашего самосознания: Ивана Ильина и Солженицына.

А если всё-таки подумать о нации, а не о партии, не о кружке, не об интеллигенции (части её)? Кто в центре? Пушкин? Достоевский? Толстой? Во-первых, рядом с этими именами названные – никто. Во-вторых, думаю, даже этих гениев в нашем национальном самосознании нет. А есть только четыре даты, что бы о них ни писали: 1917-й, 1941-й, 1945-й и 1991-й.

ТАЛАНТЛИВЫЙ, НО ПУСТОЙ

В молодости видно первое, в возрасте – второе.

КТО ПЕРВЫЙ СКАЗАЛ?

Обманщик Боборыкин придумал и за ним до сих пор многие повторяют, что слово-де ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ первым ввёл в оборот именно сей Боборыкин в 1864 году. И это – чистое враньё.

На деле ещё в 1840–1850-е это слово постепенно инфильтровывалось из польского языка.

(Я думаю даже, что знаменитая «народность» С. С. Уварова – это калька с польского – *narodowość* = «национальность».)

Так и ныне: надо проверить КРЫМНАШ.

МЕНЬШЕВИКИ... НУ ПОЧЕМУ?

Ну почему ни у кого из них за 60 (!!) лет борьбы так и не хватило сердца и мозгов переименовать, выкинуть вон это своё гибельное, смертельное, обречённое название?

ПРОБЛЕМЫ ИДЕАЛИЗМА – ВЕХИ – ИЗ ГЛУБИНЫ

Что из русской мысли может и должно войти в консервативное наследие, что – в преподавание? Изучая их всю жизнь, не могу не удивиться: что в них осталось для дидактики?

Ничего дидактического:

1. «Проблемы идеализма» (1902) – борьба против позитивистской революционности и утверждение революционности идеалистической.
2. «Вехи» (1909) – борьба против безрелигиозного интеллигентского радикализма и утверждение религиозно обоснованного политического, экономического и общественного творчества.

3. «Из глубины» (1918) – осуждение революционной интеллигенции, разрушившей Россию и ожидание новой, хорошей диктатуры. = перечитайте сами.

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ XIX ВЕКА

То немногое, что я знаю о них, вовсе не делает их ни модниками, ни интеллектуалами, ни казуристами. Это ровные, сильные, простые, внешне горячие и внутренне холодные, наивные люди, это террористы и самоубийцы. Их можно победить только в 100-клеточные шахматы – и то только тогда, когда они сами захотят в них сыграть. Это молодые люди. Большинство из них, взрослея и женясь, просто убирают в стол свои ключи и берут в руки свою страну, сколько могут. Не переставая быть наивными.

Их культ знания обращается на самообразование, а не на изучение страны.

РАСИЗМ

Вещание освободителей России от кровавого режима пышет социальным расизмом и неосуждаемыми клеймами «генетического мусора» в отношении меня и моего народа.

Поэтому я всё больше понимаю (не оправдываю) массовую социальную ненависть моих крестьянских предков в отношении «господ».

«Бааааринь!!», – было самым страшным ругательством у моей бабушки Анны Ивановны Слесаревой (в девичестве), ибо, думал я, она считала всех наглых не-крестьян просто спесивым дерьмом. Но теперь я понимаю, что слишком многие и были таким спесивым дерьмом в верхней части той социальной иерархии. С этой точки зрения и большевики ушли недалеко.

Бабушка с отвращением описывала мне тех, кто приходили их раскулачивать (тогда она ещё была 16–17-летней девушкой, младшей в семье): «всякая пьянь, дрянь, рвань и бездельники со ссаными руками...»

Поэтому большевистская генетика нынешних теперь уже «десталинизаторов» мне генетически же хорошо знакома.

О ЛЖИ

Написано об эпохе телевидения, но пророчески вернее всего об эпохе интернета и поисковых машин. Жан Бодрийяр. «Симулякры и симуляции» (1981, перевод А. Качалова):

1. СМИ недостаёт целей, заинтересованности, истории, слов... Поэтому цель заключается в том, чтобы создать то, чего не хватает, любой ценой.
2. Мы находимся в мире, в котором становится больше и больше информации и всё меньше и меньше смысла. (...) Информация пожирает свой собственный контент.

Она пожирает коммуникацию и социальное... информация исчерпывает свои силы в инсценировке коммуникации... Перед нами очень знакомый гигантский процесс симуляции.

3. Медиа — это исполнительные механизмы не социализации, а как раз наоборот — имплозии социального в массах.

БЕЗ «ВЕХ»

Воспитавшие меня мой отец и старший брат, интеллигенты из пролетарски-крестьянской среды, книжники и художники, чудом, в одиночестве — против всей среды — питавшие самые напряжённые идейные запросы, **всегда** с омерзением и презрением относились к интеллигентским играм в любовь к «народушке», ко лжи такого народолюбия. Не читая, конечно, «Вех».

Ибо знающий — не может любить в несчастном стаде глупость и дикость, но любит в нём только человеческий образ Божий.

ВЛАСТЬ — ПОВРЕЖДЕНИЕ

Ярчайший пример: умный, просвещённый, глубокий Керенский: будучи у власти — просто клоун и придурок. А после неё — снова умница и трезвенник.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ АНАЛОГИИ

Сергей Булгаков – Тютчев
Розанов – Достоевский
Бердяев – Гоголь и Леонтьев
Франк – Лев Толстой

ДИКТАТУРА В РОССИИ

Читать о ней начинайте не с пустословия Солоневича и Ильина, выдавленного ими из себя постфактум, а с С. Ф. Шарапова «Диктатор», написанного в очевидном контексте Кромвеля и Бонапарта.

А если уж хочется умничать, то начинайте с Карла Шмитта, а не с клоунов русской эмиграции.

ПРОТИВЛЕНИЕ ЗЛУ СИЛОЮ

Развитие толстовской доктрины «непротивления злу» как «ненасилия» – в доктрину «противления злу силою» в полной мере было пройдено

в России после того, как её старая социальная реальность в революции 1917 года взорвалась, вылилась в кровавую Гражданскую войну и умерла в новой, управляемой коммунистами социальной реальности. В 1925 году, уже в эмиграции, Иван Ильин выступил с громким манифестом «О сопротивлении злу силою». В нём Ильин (в юности близкий к эсерам-террористам, а в эмиграции превратившийся в радикального белогвардейца и в том же 1925 году – в поклонника итальянского фашизма, но вплоть до высылки из Советской России в 1922 году ведший мирную жизнь профессора, лояльного Советской власти, несмотря на 6 арестов), прямо указывает на весьма значительную условность риторического «не сотрудничества» с несправедливой властью. Он пишет:

Сторонник «чистого» непротивления вместе со всем остальным человечеством пользуется плодами всей предшествующей борьбы со злом: всею своею жизнью, безопасностью, возможностью трудиться и творить — он обязан усилиям, подвигам и страданиям тех, кто до него, из поколения в поколение обуздывал зверя в человеке и воспитывал в нём животное, а также тех, кто ныне продолжает это дело. Именно благодаря тому, что находились люди, добровольно принимавшие на себя бремя активной борьбы со злодеями, эту, может быть, тягчайшую разновидность мирового бремени, — всем остальным людям открывалась возможность мирно трудиться,

духовно творить и нравственно совершенствоваться. Ограждённые и обеспеченные от злодеев, окружённые незлодеями, они оказывались в значительной степени освобождёнными от напряжений отрицательной любви и свободно могли предаваться, в меру своей нравственной потребности, благам высшего бескорыстия, любовной уступчивости и личного непротивления.

Следует ли из этой двусмысленной формулы прямой призыв к большинству пройти героическим путём меньшинства в борьбе за цивилизацию и безопасность – и для этого лишить себя и безопасности, и благ цивилизации? Вступил ли сам Иван Ильин на этот путь, пока его большевики не выслали из Советской России? Отвергая безоружное непротивление, Ильин легко обошёл его массовую природу и подменил моральную силу социального большинства личным выбором одинокого романтического героя (у ног которого, предполагается, разворачиваются подчинённые ему фашистские фаланги, а не болота советского принудительного труда). Романтическая индивидуализация «сопротивления злу силою» и возвращает моральный протест в политически профессиональную сферу, для которой, как показывает опыт начала XXI века, уже «всё позволено» – после нескольких речевых упражнений в риторике и казуистике.

Гораздо более существенным в поиске русского ответа на опыт массового насилия в XX веке

служит до сих пор, к сожалению, мало оценённые и мало понятые в их революционности для тысячелетнего православия на территории исторической России «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», принятые на Архиерейском Соборе РПЦ 2000 года. Новая социальная доктрина РПЦ обоснованно исследует насилие в его высшем проявлении обычной для XX века *тотальной войны*, предъявляя ей максимально жёсткие ограничения, прямо противостоящие инструментальной эксплуатации гражданского населения организаторами современных государственных переворотов:

- войну следует объявлять ради восстановления справедливости;
- войну имеет право объявить только законная власть;
- право на использование силы должно принадлежать не отдельным лицам или группам лиц, а представителям гражданских властей, установленных свыше;
- война может быть объявлена только после того, как будут исчерпаны все мирные средства для ведения переговоров с противной стороной и восстановления исходной ситуации;
- войну следует объявлять только в том случае, если имеются вполне обоснованные надежды на достижение поставленных целей;

- планируемые военные потери и разрушения должны соответствовать ситуации и целям войны (принцип пропорциональности средств);
- во время войны необходимо обеспечить защиту гражданского населения от прямых военных акций;
- войну можно оправдать только стремлением восстановить мир и порядок.

Относя зло тотальной войны к войне внешней, оборонительной, РПЦ категорически исключает её инструментализацию во внутригражданских конфликтах, но отнюдь не отбрасывает испытанную и доказанную правду морального большинства в борьбе за внутреннюю справедливость. Неизбежное насилие в защиту справедливости, изображённое в каноническом образе светлого Георгия Победоносца, побеждающего чёрного змия, служит РПЦ отправной точкой в доктринальном преодолении дихотомии *зла и непротивления*. И вне доктрины РПЦ ясно, что не всякое насилие – абсолютное зло. Не всякое непротивление – моральная правда. Принятие на себя бремени (и если угодно – неизбежного греха) насильственной борьбы – долг любого, защищающего не только моральную правоту, но и то, в чём она реализуется, – жизнь. Доктрина РПЦ отвергает принципиальное непротивление злу как риторическую уловку:

Зло и борьба с ним должны быть абсолютно разделены, ибо, борясь с грехом, важно не приобщиться к нему. Во всех жизненных ситуациях, связанных с необходимостью применения силы, сердце человека не должно оказываться во власти недобрых чувств, роднящих его с нечистыми духами и уподобляющих им. Лишь победа над злом в своей душе открывает человеку возможность справедливого применения силы. Такой взгляд, утверждая в отношениях между людьми главенство любви, решительно отвергает идею непротивления злу силою. Нравственный христианский закон осуждает не борьбу со злом, не применение силы по отношению к его носителю и даже не лишение жизни в качестве последней меры, но злобу сердца человеческого, желание унижения и гибели кому бы то ни было.

Революционность решения РПЦ в сфере ненасильственного сопротивления злу в полной мере можно оценить лишь в том, что касается её проповеди в части внутренней оценки политики государства, прежде строго следовавшей абсолютному толкованию формулы о радикальном различии дела «Богова» и дела «Кесарева». И в принятии на себя ответственности за все дела человеческие и слышится голос подлинно деятельного православия, свободного от прямого участия в государственном управлении и, прямо скажем, от подчинения ненасильственного сопротивления интересам внешних или верхушечных государ-

ственных переворотов. В этих переворотах не политика, как должно, становится инструментом морали, а мораль и требование справедливости незаконно превращаются в инструмент циничной политики. РПЦ так говорит теперь об этом:

Если власть принуждает православных верующих к отступлению от Христа и Его Церкви, а также к греховным, душевредным деяниям, Церковь должна отказать государству в повиновении. Христианин, следуя велению совести, может не исполнить повеления власти, понуждающего к тяжкому греху. В случае невозможности повиновения государственным законам и распоряжениям власти со стороны церковной Полноты, церковное Священноначалие по должном рассмотрении вопроса может предпринять следующие действия: вступить в прямой диалог с властью по возникшей проблеме; призвать народ применить механизмы народовластия для изменения законодательства или пересмотра решения власти; обратиться в международные инстанции и к мировому общественному мнению; обратиться к своим чадам с призывом к мирному гражданскому неповиновению. Во всём, что касается исключительно земного порядка вещей, православный христианин обязан повиноваться законам, независимо от того, насколько они совершенны или неудачны. Когда же исполнение требования закона угрожает вечному спасению, предполагает акт вероотступничества или совершение иного несомненного греха в отношении Бога и ближнего, христианин

призывается к подвигу исповедничества ради правды Божией и спасения своей души для вечной жизни. Он должен открыто выступать законным образом против безусловного нарушения обществом или государством установлений и заповедей Божиих, а если такое законное выступление невозможно или неэффективно, занимать позицию гражданского неповиновения.

Нет сомнения, что именно этого голоса нашей церкви ждали миллионы мучеников нашего века. Радостно, что практически одновременно с распространением лжи и насилия, войны и зла «ненасильственных переворотов» последнего времени, этот голос РПЦ не уходит от борьбы против этого зла, но просто не оставляет ему места в сознании тех, кто борется за справедливость и живёт в мире со своим Богом и своим народом.

ПЕРЕМЕНЫ

1. Русская национальная культура (Белинского и Гоголя) ищет народную полноту: крестьянскую, буржуазную, антифеодальную, антикапиталистическую, антиколониальную, социалистическую — и с ней весь её пантеон во главе с Достоевским и Пушкиным.
2. Современный русский национализм — это поиск блогерами блогеров. И на знамени его — пресные и безжизненные Леонтьев, И. Ильин и Солоневич.

БЕЛАЯ БОРЬБА ПРОТИВ КРАСНЫХ

Белая борьба против красных тщательно скрывает маргинальность собственной белизны и те грубые факты, что крупнейшая русская газета эмиграции «Последние Новости», крупнейший русский толстый журнал эмиграции «Современные Записки», интеллектуально влиятельнейший на Западе и старейший аналитический журнал русской эмиграции «Социалистический Вестник» — были РОЗОВЫМИ.

РОЗАНОВ — ТЕСТ

Василий Васильевич быстро становится не только национальным гением, вынесшим в себе наши умственные грехи и покаяния, но и мощным тестом на национальную оригинальность: его критическое принятие свидетельствует о способности мыслить сложно и самостоятельно, контекстуально и принципиально ВНУТРИ РУССКОЙ культуры, без провинциального мимесиса, а в своей собственной обители, которых у Отца нашего в мире много.

И феномен Розанова подлинно открыт трудом поколения русских исследователей 1970–2010-х — полно и заново.

(Вспомнилось, как один юный дурачок-троцкист громко закричал на меня в ФБ, пытаясь высме-

ять как скандал, когда я в первый раз о своём сказал: Розанов — национальный гений.)

НОВГОРОДЦЕВ НА СМЕРТНОМ ОДРЕ И БУЛГАКОВ

Когда Новгородцев умирал, его соборовал о. С. Булгаков — и это так усилило Новгородцева, что он не умер, а прожил ещё 2 недели, но в больших мучениях.

УСТРЯЛОВ и ИВАН ИЛЬИН

Да, Ильин — пустой, фальшивый, маньеристский барабан с присвистом, а Устрялов — мученик, самообольщенец, заплативший за всё своей жизнью. Так Януш Корчак заплатил своей жизнью за самоуверенность и веру в фальшивые гарантии властей гетто.

Можно ценить антикоммунистического сопротивленца Ильина, если только забыть, что он смиренно сидел под коммунистами и преподавал посреди коммунистических пропагандистов: едва ли не единственный среди них не коммунист — и, главное, противопоставлял Сталину именно Муссолини и Гитлера.

УМОЗРЕНИЕ

До сих пор помню, как — короткое время, в возрасте около 20-ти — я в уме умножал любое чис-

ло на любое: и тратил секунду-две лишь на уточнение последних 2–3 цифр, а остальное просто считывал со зримо присутствующего в сознании, перед внутренним взглядом численного ряда.

УКРАИНСКОЕ

Мой отец очень любил и с жаром пел украинские народные песни. Его любимым певцом был его почти ровесник Анатолий Соловьяненко (1932–1999). Только я теперь помню это. Но я помню.

* * *

Удивительно: до чего талантливы отдельные русские люди, — и до чего бездарно русское общество!

(С. Н. Дурылин, 1928)

СЕМЬЯ В МЕТРО

Едет пара лет 35–40 с сыном (единственным) лет семи. Она — ужасна, склочна, психопатична, зла, подла, нелюбима. Он — лжив, ненадёжен, продажен, нелюбим, держатся друг от друга подальше. И только сын, отлипая от матери, тянется к отцу.

Отец сдался – садится рядом. И сын кладёт ему голову на плечо, чистый и светлый. И Бог спускается на мужика. И видно, что теперь он не предаст и не продаст, и пойдёт на муки и смерть ради своей мерзопакостной дуры, ради Родины, ради сына – прежде всего.

На том и стоим.

НАРОДНАЯ ПАМЯТЬ

Моя бабушка-крестьянка Анна Ивановна Утёнкова (урожд. Слесарева, 1911–1993), окончившая 3 класса сельской школы и никогда в жизни не интересовавшаяся никакими историями, из всей русской дореволюционной истории, кроме Николая II, знала только двоих деятелей: Ивана Грозного и Пугачёва (Пугача).

ПАТРИАРХАЛЬНОЕ

Точно: вспомнил сейчас, как ребёнком у ног бабушки наблюдал, как её крестьянки-ровесницы после застолья и даже после укладки спать на полу – часами припоминали и перечисляли родственников по всем родственным родам и этажам с краткими характеристиками, цепляя одно за другое.

А вот два брата моей бабушки погибли на войне, а один из них с сыном ушёл. И сын погиб.

И жена одного из братьев, что, похоже, в молодости травила мою бабушку (не давала ей в детскую культую молока, только хлеб), когда узнала, что муж погиб, сошла с ума.

А её дочь теперь живёт в их родовом доме в Зубовке (коему натурально – теперь это моё знание – 300 лет)...

Такая была живая древность.

ДЕТИ

В середине 1980-х наша студенческая часть кафедры на истфаке МГУ под руководством преподавателей по выходным дням нередко ездила на 2–3 дня вокруг Москвы на автобусе по старым городам. Однажды приехали мы в Козельск и оказалось, что местная гостиница нас не ждёт. Один из кураторов вынул тогда свой партбилет и пошёл в местный райком КПСС (там всегда был дежурный), чтобы тот нас устроил.

Нас устроили в местный детский дом. Переночевав на чистейших простынях, мы утром обнаружили, где же мы оказались: во дворе, на асфальтовом пятачке перед входом стояла в круг группа детей с воспитательницей и во что-то играла.

Вид их одиночества, бедности и понимание бесплатности для нас этого ночлега ошпарил всех

нас. Скинулись. Побежали в тогда ещё не пустой (дефицит наступил в 1988-м) магазин, закупили пряников и пр. и тут же вручили воспитательнице. Круг детей стоял и молчал в недоумении. Воспитательница тогда дала им громкую повелительную команду: «Ну-ка, что надо сказать?» «Спасибо!» – протяжно прокричали дети сиплыми, хриплыми, сжатыми голосами. Мы, раздавленные, отправились прочь. Этот хор в моих ушах и сейчас.

СИЛА ЕВРЕЕВ И СЛАБОСТЬ РУССКИХ

Уважаемый автор написал: «имярек плохой, ибо некогда ругал евреев», – не объяснив, ругал ли он их как евреев или как участников одесской мафии, является ли он сам евреем или действует так из вселенской отзывчивости и т. д. Тут я подумал: «а ведь нынче с трудом встретишь другого уважаемого автора, кто так же решительно сказал бы: «имярек плохой, ибо некогда ругал русских». И даже прямые, не терпящие разночтений, грязные речи либерально-демократических гуру и шоуменов о русских как о быдле – не имели для них никаких следствий. Горло одной – в роскоши гламура имени кровавого режима, морда другого – на уличной рекламе экологов «при поддержке правительства Москвы».

При этом русские также пережили гитлеровский геноцид, как евреи, и продолжают в ряде мест подвергаться геноциду, лишь косметически упакованному в принудительную ассимиляцию.

При этом русские мыслители предпочитают предаваться мудовым страданиям и обслуживать ими упомянутый гламур.

При этом исторически беспрецедентное по своей доле русское большинство продолжает искать объяснений своим унижениям — и нет их самоуничтожению конца.

Вроде прав был В.С. Соловьёв: «еврейский вопрос это русский вопрос». Но нет уже в этом никакой правоты: даже самые рекламные русские до сих пор не нашли в себе никакого вопроса. Все вопросы у них к начальству, евреям, кавказцам, США и украинским майданам.

Мы пойдём другим путём.

МОЯ РОДИНА

Моя родина, 300 лет непрерывности моих доказанных предков с обеих сторон всё в одном месте — самые верховья Дона до его истока и вокруг его, вятическая ойкумена, старое рязанско-московско-ордынско-литовское пограничье. Вокруг и рядом — родина и жизнь Льва Толстого, Есенина, Тургенева, Лескова, Пришвина, Сергея

Булгакова, Бунина, Жуковского, Глеба Успенского, З.Н. Гиппиус, Фета, Розанова. Почти ни одного «запрещённого» или «возвращённого» имени. Ни одного литературного большевика.

О РУССКОМ НАРОДЕ

Изнутри. Русский немец С.Ф. Ольденбург – русскому немцу Г.Г. Шпету по прочтении его книги «Этническая психология» 10 января 1927 года: «понятие “русский” не этническое так же, как и американец». Ряженым можно не беспокоиться.

RRRRРУССКИЙ

«Мы – русские. Какой восторг!» Я – русский человек и солидарен с Суворовым про восторг – там, где речь идёт о сфере Суворова.

Но битьё себя в грудь с форсажем о «rrrrrrrrrr-русском» внутри России вызывает у меня чувство отвращения, как фальшь, размена величия на этническое краеведение.

Ни один из подлинных русских гениев никогда не верещал о rrrrrrrрусском внутрь России, ибо это было бы просто моральным самоубийством.

БРОСЬТЕ ВЫ ЭТО

«Какой же я славянофил? Я, как вы знаете, еврей!» – пишет Гершензон отчаянно русскому

немцу Струве. Так и я: какой же я славянофил?
Я — русский и даже — православный христианин.

ЗАВЕТ

«Кто сухой хлеб ест, тот грома не боится» (из заветов моей бабушки).

И ЭТО О НАШЕМ НАРОДЕ

Мать моя рассказывала, что когда в 1941 году (ей было тогда 9 лет) к нам пришли немцы, в их бараке на окраине Сталиногорска пряталось двое наших солдат.

Жители барака тут же выдали их немцам. Немцы вывели солдат к стене барака и жестоко публично избили — жестоко так, что даже наше крестьянско-шахтёрское население такое видели чуть не впервые.

ЭТАТИЗМ ПРОТИВ ЭТНИЗАЦИИ ЗА НАЦИЮ

(Бывшее) единство русского, белорусского и украинского народов ярче всего проявлялось в том, что, оказываясь на Украине, русский человек легко признавал себя украинцем — и наоборот: украинцы и белорусы признавали себя русскими в России. Ибо народ наш — культурно-политический. И только варвары унижают его до этноса. Теперь же, в варваризации, РУССКИЕ

всё чаще становятся политонимом, что я вновь ярко увидел в благословенной Башкирии.

ЛЮТОРЫ

Мой родной прадед по отцу Илья Галактионович Колеров (села Смородина Епифанского уезда) был с детства известен мне как рано умерший от простуды в 1915 году, в ходе разъездов управляющим по хозяйским делам.

Трудами незабываемого генеалога М.М. Гершзона мне стало известно, что:

1. был прадед мой уже немолод, 67 лет, и женат третьим браком;
2. для моего социального спокойствия оставался по сословию своему крестьянином.

Село Смородино памятно и мне лично, как и деревня Зубовка, но примечательно тем, что стоит рядом со старой, первой Смуты, слободой Люторичи.

В родной деревне моей бабушки по матери тоже был Модест (вернее: *Мадес*, так устно и письменно и меня звала моя бабушка) – как и положено по образцу, св. Модесту, патриарху Иерусалимскому, покровителю стад, – *Мадес* был пастухом. Пусть на скрижалях будет отмечено, что был он рыжим и ездил на лошади верхом.

Было это в деревне Зубовка Епифанского уезда Тульской губернии, в 1910–1920-е годы, всего сто лет назад.

ПРИЗНАНИЕ

Кулацкое происхождение не даёт мне быть красным, а крестьянское происхождение не даёт быть белым.

СТАРАЯ РУКОПИСНО-НАБОРНАЯ ШКОЛА

Издатель *Common Place* определил меня в «старую школу», хотя я всегда считал себя в новой, но нынче, переписывая цитаты от руки, набирая вручную тексты, я смиряюсь и горжусь тем, что именно мой упорный набор на печатной машинке в советское время стихов Пастернака из «Живого», Мандельштама «Стихов о неизвестном солдате», поэм Хлебникова заставил меня пережить их и жить с ними непрерывно. И теперь: именно перебирание в пальцах текста заставляет видеть и понимать в нём больше, чем бросается в глаза. В середине 1970-х видел я и машинописные книги вовсе не антисоветского Бальмонта — просто народ в нашей шахтёрской провинции в него вникал и с ним жил.

ЛИБЕРАЛ И ИСТОРИК

Либерал, юрист В.М. Гессен пишет в 1902 году: «Чем выше культурный уровень народа, тем могущественнее творческая сила его правовых идеалов».

Обычный историк не может не написать в 2019 году: «Чем ниже культурный уровень народа, тем могущественнее сила его идеалов».

ЭТНИЧНОСТЬ

Этничность – ВСЯ – результат воспитания или личного выбора. Потому и бессмысленно возводить её к древности. В любом случае это будет вымышленная древность.

УРОК ВЫШЕ ПОНИМАНИЯ

Дважды за 100 лет Россия пережила крупнейшую Смуту – в 1910-е и в 1990–2000-е (ещё не кончилась) и крупнейшую войну в 1940-е.

Если с войной всё ясно, то со Смутами главных ответов до сих пор нет, как бы много не было многочисленных ответов не главных.

Чудо нашего выживания не может скрыть нашего смертельного порока. В чём же он?

МЫ – РУССКИЙ НАРОД

Утром 9 мая 2014 года со старшими дочками на Поклонной горе. Принесли гвоздики и ромашки. – Настанет день, когда вы будете самыми старыми из тех, кто помнит о Дне Победы, и расскажете детям и внукам о его смысле и в их жизни тоже.

– Да, они будут уже так далеко от войны... Себя они считают близко: их хорошо им знакомая бабушка была в оккупации и видела войну. «Мы – русский народ», – так и сказали они о себе, отвергнув разные известные им этнические нюансы их предков.

РУССКИЕ (ЭТНИЧЕСКИЕ) НАЦИОНАЛИСТЫ

– всегда будут в меньшинстве в России и в русском народе, ибо их принципы противоречат основам и русской истории и государственности, и великой русской культуры, и наших Отечественных войн, и советского интернационализма, и православия, и полиэтнической генетики русской нации. Очень часто они просто предают и оскорбляют память своих предков, сводя их сложность к свиному рылу своей кухонной агитации.

АНТИ-МОНАРХИЗМ и АНТИ-КОММУНИЗМ

мои, видимо, имеют один, крестьянский, корень: лично мне памятные презрение моих крестьянских предков к Николаю II и ужас их от Сталина и презрение к его агентам в деревне.

ЧЕЛОВЕК СЛАБ

Слушай его, но не верь ему. Не становись рабом его слабости.

СОЦИАЛЬНЫЙ ОКРАС РЕЧИ

Наши деревенские и шахтёрские (вчерашие деревенские) в быту отличались в том числе тем, что всегда говорили громко, до крика, даже на близком расстоянии от собеседника. Так привыкли они на ветру, где шум его уносит слова.

Эта немотивированная громкость особенно была видна в Москве – и резко отличала приезжих. Так и дети, играя, кричат на детской площадке друг другу – в упор.

КРЕСТЬЯНСКИЙ КОНТИНУУМ, КОТОРОГО БОЛЬШЕ НЕТ

Году в 1960-м на нашей Епифанской земле моего отца, когда он пошёл на природу на этюды (на пленэр), мужики хотели арестовать как шпиона и вызвали милицию, как за 80 лет до того Левитана на Костромской – но того как неправильного беса.

КУЛАЦКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ

– понимаю. Сам такой. Интеллигентский же – подзреваю в недодуманности, миметичности, схемности. Нет в нём нашей крестьянско-пролетарской борьбы.

ИЗ ДЕТСТВА

Один мальчик, когда мы в бывшем школьном саду, под яблонями, играли в войну, полюбил сказываться раненым, чтобы мы его куда-нибудь тащили. Один раз. Два. Потом перестали. Так и он лежал: ему хорошо было просто быть раненым. Лет через 30 после этого пьяная молодёжь убила его возле его собственного подъезда за критическое замечание.

РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ

Я прошёл через него и по-прежнему стою в нём, но нет у него ничего дополнительного к большому русскому полиэтническому народу и вселенскости православия, но его политическое измерение пассивно, как 90–95% за Крым, Бессмертный полк, против сдачи Курил и пенсионной реформы. Нация наша жива, но не хочет политики.

«ИНТИМНО ПОНЯТЬ РУССКИХ Я НЕ В СОСТОЯНИИ...»

Я часто вспоминаю эти слова — да, великого — М.О. Гершензона из его частной внутриврейской переписки. И вот о чём: в чём суть интимного национального вчувствования, кроме культурно-ритуальной обыденности? Что становится с ней, когда исчезает традиционное общество? Сколько

длится его духовная инерция? Длится ли? Как именно?

ЕВРЕЙСТВО

— Вы еврей? — спросил меня в метро мужик сильно за 50.

— Нет.

— Я инвалид. Родители умерли. Помогите с работой.

— Обратитесь в синагогу.

— Они отказали. Дайте денег...

Когда я приехал в Москву, я только тогда понял, что Рухимович и Мандельштам — не обычные русские фамилии. В Москве меня нередко принимали за еврея. В Армении это делают все, кому не лень. Но денег у меня нет.

О МАССОВОЙ ГРАМОТНОСТИ

Во второй половине 1970-х я, нескромно считавший себя самым просвещённым в нашем маленьком шахтёрском городе, однажды был потрясён и унижен собственной неграмотностью.

Выйдя как-то во двор, я увидел, что всё его детско-юношеское население громко, хором и искренне смеётся, не боясь, над отчаянным старшим хулиганом из первого подъезда по кличке Беяна. Сей Беяна написал на заборе такое,

что это вызвало всеобщий хохот. И сам обычно опасный Беяна тупо терпел этот всеобщий стыд, что-то бляя.

Я долго не мог понять – почему. Беяна написал на заборе, по-моему, орфографически совершенно правильное слово ГАВНО. До меня очень не скоро дошло, что я был так же неграмотен, как и Беяна, а весь двор, не блиставший в моих глазах никакой грамотностью, в любом детском возрасте твёрдо знал, что писать надо ГОВНО. Пару-тройку лет спустя я обнаружил в «Повести временных лет» старославянское слово ГОВЯДО и мысленно связал его с той орфографической коллизией. Но стыд не утих.

КРЫМ И КАЛИНИНГРАД

Идентичность первична. Слова вторичны.

Был у меня старый друг, который давно живёт в Германии и с которым мы разошлись весной 2014 года, в общем, из-за возвращения Крыма в Россию.

И каждый из нас, конечно, думал о первопричинах, взаимно клеймя.

Мне повезло в поисках смысла: очень скоро оказалось, что дело не столько в морали, сколько в идентичности, когда в одной частной дискуссии оный б. друг проговорился:

«Ну и что в Крыму референдум? Мы вот проведём в Калининградской области референдум и вернём её себе».

Сказал бы сразу, что он не Герцен за свободу и против режима, не Курбский – за правильное Отечество против неправильного Отечества, а простой Власов – за немцев, – я бы не парился.

НАЦИОНАЛИЗМ ЭТНИЧЕСКИЙ

Русский этнический националист (как и любой этнический националист) – для своего народа опаснее исламиста (не террориста), потому что отрицает полноту и сложность своего русского народа, разделяет и принципиально убивает его. Я не хотел бы, чтобы мои дети стали этническими националистами любой национальности, какую бы они себе ни выбрали.

РУСОФОБИЯ

(Идя утром на труд...) Я ещё могу понять, когда в русофобию впадают русские (в широком и узком смыслах) из России – от боли, слабости и греха учительства. Но когда – приехавшие и живущие в России и кормящиеся на деньги из России – русофобией истекают иностранцы, у меня это вызывает только отвращение. В этот

РУССКИЙ НАРОД

момент мне легко присоединиться к простому лозунгу: ВОН, НЕЧИСТЬ.

ЛУБОК

Дед вымыл посуду. Подмёл пол. Вынес мусор. Расписал указания. Сел на диван помирать. А тут наступила война. И он провоевал ещё 100 лет, ибо на войне мёртвых не убивают.

МОЙ XVIII ВЕК

Моя бабушка никогда не говорила «штаны», а говорила только «портки», никогда не говорила «чёрт», а говорила только «ончутка». Первое время, когда они появились, со слуха называла «кроссовки» — «красотками».

И матом поругивалась на языке XVIII века: никогда не «ё. твою мать», а только «ети твою мать», отчего «етит...» мне в детстве казалось совсем скромным.

«Сказ-сказ», говорили мы в детском саду другим детям, когда осуждали их за хулиганство, то есть угрожали им рассказать об их хамстве воспитательницам.

Даже в языке моей матери оставались носовые звуки старославянского «юса малого», когда она говорила мне:

«что ты выглѐндываешь» вместо «выглядываешь» и «что ты шлѐндаешь» вместо «шляешься».

Это было ещё совсем недавно, но ничего этого на языке моей родины больше нет.

РУССКО-ГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК

Когда мои старшие девочки уже стали задумываться о языке, обнаружилось, что имя «Вера» и «вера в Бога» – одинаковые слова. На что Соня сказала: «а я – Соня в Бога».

РУССКИЙ ЯЗЫК ВЕЛИКИХ

По мере сил, но достаточно для занятий, русский язык знали Маркс, Энгельс, Каутский, Бернштейн, Масарик, Бенеш, Крамарж, Людендорф, Гинденбург, Кейнс. А нынче? Всё бусами трясём?

КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ РУССКИЙ ЯЗЫК?

(В ноябре 2009 года президент России Дмитрий Медведев предпринял первую и, к счастью, единственную попытку руководить правилами русского языка. Она захлебнулась так же, как захлебнулась многолетняя антинациональная игра официоза России в политическую корректность, навязывавшая русскому политическому языку новодельное *В* Украине вместо его традиционного *НА*. В этой реплике эстонские примеры принадлежат Игорю Павловскому.)

На недавней встрече Президента России Дмитрия Медведева с белорусскими журналистами один из гостей с нажимом заявил Медведеву: «Наша страна называется Беларусь. Именно так, восемь букв, четвёртая – «а», на конце – «ь». Так мы называемся в ООН, и таковы рекомендации, в частности, Московского института русского языка. Может быть, Вы тоже присоединитесь к ним, и все политики и государственные деятели в России будут называть...» На это Медведев ответил: «Я-то как раз говорю так, как называется Ваша страна в ООН... Беларусь, и я настаиваю именно на таком произнесении названия нашего братского государства».

Вслед за этим замминистра юстиции Белоруссии Алла Бодак потребовала, чтобы имя «Беларусь» использовалось в нормативных актах и СМИ на всей территории белорусско-российского Союзного государства. Это требование поддержал министр юстиции России Александр Коновалов и пообещал следить, чтобы российские государственные органы употребляли только «Беларусь», а не «Белоруссия», и рекомендовать такое словоупотребление российским средствам массовой информации.

Можно было бы просто наплевать на незаконные требования и необоснованные рекомендации и с политическим любопытством отнестись

к языковым предпочтениям нашего президента. Но контекст проблемы шире, а её значение — глубже, чем анекдотические требования исторически временного замминистра, которые он с бюрократическим безумием адресует — нет, не такому же временному бюрократу, а исторически бесконечному, живому, великому русскому языку, сердцу великой русской культуры. Проблема глубже, чем поспешный административный восторг его коллеги. Больше, чем мнение Президента России.

Статья третья Главы первой Конституции России гласит: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ». Точно так же единственным источником власти над великим русским языком является многонациональное, многосотмиллионное и — самое главное — многовековое сообщество носителей этого языка, каждый из которых по мере таланта и знаний может только подсказывать, придумывать, предлагать живому языку нормы и новации, каждый раз отдавая их на коллективный суд русской культуры.

Русский язык не принадлежит ни президенту, ни министру, ни писателю, ни журналисту, ни — смешно сказать — заместителю министра юстиции Белоруссии.

Не чувствуя анекдотичности попыток «управлять» русским языком, СМИ бросились спрашивать «мнения» – то у какого-то функционера мёртвого журналистского профсоюза, то у учёного секретаря академического Института русского языка. Их мнения не имеют никакого значения: и средствам массовой информации начхать на функционера, и культурным носителям русского языка начхать на учёного секретаря. Такой пример с блеском продемонстрировала влиятельнейшая немецкая *Frankfurter Allgemeine Zeitung*: когда чиновники начали «облегчать» и «упрощать» немецкий язык, это издание – как полноценный институт немецкой культуры и гражданского общества – решило самостоятельно поддерживать практику классического немецкого языка. И можно быть уверенным: никакие придуманные академиками для русского языка «заец», «заюц», «заятс» и «кофэ» – не будут приняты обществом России.

Дело в том, что в современном политическом, культурном, бытовом русском словоупотреблении «Беларусь» и «Белоруссия» – взаимодополнительны, равнозначны и акцентируются в зависимости от контекста и цели высказывания (что подтверждается даже внутренне динамичной парой «Беларусь – белорусский»). В «Беларуси» русскому уху слышатся её коренное своеобразие и уни-

кальность в едином организме Большой России (Руси), в «Белоруссии» — её святая, жертвенная и родственная современность, Белорусский фронт и Белорусский вокзал. И в этих условиях требование монополии одного имени — подобно языковой агрессии.

Невозможно представить, чтобы власти *United States of America* или *République Française* вдруг начали требовать внести в русский язык особую норму именованя их государства: например, «Объединённые Государства Америки» или «Франс»... Так что же происходит с Белоруссией, Эстонией, Казахстаном, Киргизией и Украиной? Целый ряд постсоветских государств (а в смутные годы — и ряд российских национальных республик) принялись строить свою свежеобретённую идентичность не только в нехитрых схемах политических систем, но и путём «исправления» формально чужого для них русского языка. Это свидетельствует о двух простых обстоятельствах. О том, что все новейшие независимые государства по-прежнему генетически связывают свою легитимность с Россией. И о том, что их самоутверждение в пространстве интернационального и межнационального русского языка — провинциально, инфантильно и паразитично, что они исходят из клинической уверенности в том, что любой (не говоря уже о русском) язык подчинит-

ся простому бюрократическому решению горстки депутатов и щепотки чиновников.

Конечно, эти постсоветские активисты вольны препарировать свои местные версии русского языка, насыщая их локальной лексикой, доводя их до колониального пиджина, но «подогнать» весь живой русский язык под свои комплексы им, конечно, не удастся. Риторически борясь с русским «языковым империализмом», они слишком хорошо понимают весь «языковой паразитизм» своих усилий. Паразитизм, направленный на разрушение русского языка.

Русские журналисты и чиновники, по свистку из Киева начинающие – против сотен лет русского языка, против Гоголя и Шевченко, всей великой русской литературы, даже против довоенной украинской гуманитарной эмиграции – с фальшивым усердием говорить не «на», а «в Украине», хорошо понимают одностороннюю, антирусскую природу этого «языкового паразитизма». Этому «языковому паразитизму» бессмысленно объяснять, что в настоящем – не окарикатуренном – русском языке «на» указывает не только на географический (*на Кубе как на о. Куба, на Украине – как на окраине, даже – на Москве*), но и на государственно-политический смысл (*на Гаити и, наконец, на Руси*). И на той же Украине, в той же Белоруссии, в Литве и Латвии никто не ополчается на польский

«языковой империализм» из-за того, что по-польски (в полном соответствии с географией и историей окраин Речи Посполитой — «кресов») «на Украине, в Белоруссии, в Литве, в Латвии» будет: *na Ukrainie, na Bialorusi, na Litwie, na Lotwie*. В то время как русская газета прогнулась — и стала «Комсомольская правда в Украине», трудно поверить, что польская *Gazeta Wyborcza* прогнулась бы также и стала бы зваться *Gazeta Wyborcza v Ukrainie...*

Ведь никто в России даже не думает «исправлять» казахское *Мескеу* (но в Казахстане требуют от русских отказаться от *Алма-Ата* в пользу *Алматы*) или латышское *Maskava* на «единственно правильное» *Москва*, точно так же, как нет во Франции и Италии идиотов, требующих от русских писать вместо *Парижа* — «Пари» и вместо *Рима* — «Рома». Есть постсоветские молодцы, смеющиеся требовать от русского языка монопольного употребления «Беларуси» и «Кыргызстана», есть российские бюрократические дураки, поспешившие заменить 150 лет присутствующую в русском языке Прибалтику на придуманную «Балтию», но нет идиотов, требующих от Латвии исправить латышские *Igaunija* — на Эстонию, *Krievija* — на Россию, *Vacija* (по-литовски: *Vokietija*) — на Германию. Нет мерзавцев, требующих от Эстонии заменить эстонское *Venemaa* — на Россию, *Saksamaa* на

Германию, требующих от всего мира заменить *Армения / Armenia* – на «hАйастан», требующих от Польши заменить польские *Wlochy* – на Италию, *Niemcy* – на Германию или *Deutschland*.

Но есть в Эстонии (а теперь и в Белоруссии) те, кто приказывает русскому языку. И в России есть те, кто всё ещё спорит, как надо писать по-русски: Таллин с одной или двумя «н» на конце. На эстонском языке название столицы пишется как *Tallinn*. Полной копии этих двух «нн» требуют от русских. Но будь в данном эстонском случае одно «п» – оно превратилось бы в простой глухой звук, и русская транскрипция топонима была бы «Талли». А эстонские «пн» и сейчас уже адекватно передаются одним русским «н».

Однако на территории Эстонии и в практике тех в России, кто спешит исполнять не собственные законы, а чужие, русский «Таллин» с двумя «н» на конце был учреждён в 1988 году, когда решением Верховного Совета ещё Эстонской Советской Социалистической Республики в республиканской конституции название столицы было предписано писать именно так. Постановлением министра образования Эстонии от 18 мая 1998 года это название эстонской столицы было закреплено. С тех пор любое издание на русском языке, которое выходит в Эстонии, рискнувшее написать одну букву «н» в конце слова *Таллин*, рискует оказаться

под пристальным вниманием эстонской языковой инспекции и быть оштрафованным. Так орган, регулирующий нормы использования эстонского языка, определяет нормы русского языка. При этом ещё никто в Эстонии не опротестовал ни латышское *Tallina*, ни литовское *Talinas*.

Почему бы и министру юстиции России не установить правило написания на английском языке в России (да и на латинице по всему миру) столицы не как *Moscow*, а как *Moskva*? И штрафовать все англоязычные издания, выходящие на территории России за нарушения этого «правила». Ясно, что это было бы параноидальным покушением на неотъемлемые права и суверенитет другого языка, но почему же не стыдно разминивать неотъемлемые права и суверенитет своего собственного языка?

В России – под неусыпным государственным ведомственным и корпоративным контролем – проходят рекламные кампании, которые, неукоснительно следуя эстонским законам и нарушая права русского языка, призывают отдохнуть на Новый год в «Таллинне». Интересно было бы проследить за реакцией эстонцев, если бы в Москве и Санкт-Петербурге появились плакаты «Сказочные каникулы в Ревеле», или «Отдохни в Юрьеве (Дерпте)» (первоначальные названия Тарту). Тем временем эстонские автобусы из Таллина ходят

не в *Pskov* или в *Pechory*, — а в *Pihkva* (эстонское название Пскова) и в *Petseri* (Печоры). И если Таллин с одним «н» — это «языковой империализм», то *Petseri* — посягательство на территориальную целостность России. И поэтому «Таллинн» и «Балтия» в русской государственной языковой практике — едва ли не измена.

То, что описанный «языковой паразитизм» и уступки ему направлены именно против русского языка и России, красноречиво следует и из истории с законодательным переименованием в Эстонии более ста лет бытовавшего в эстонском языке *Gruusia* в *Georgia*. Мотивировалось это тем, что *Gruusia* — это русское «оккупационное название» Грузии. И то, что «евроатлантическое» *Georgia* не имеет никакого отношения к собственно грузинскому «Сакартвело», Эстонию не волновало.

Так почему же так спешат волноваться и следовать внешним влияниям российские чиновники — и не волнуются о русском языке?

ГИГИЕНА

Я мучил мою бабушку, спрашивая деревенские интимности традиционной русской деревни. Менструация: на сей счёт были специальные «срамные портки». Промискуитет: на сей счёт были на окраине каждой деревни вдовушки или солдатки.

СВОБОДА И ГОСУДАРСТВО

Сс

ГОСУДАРСТВО

Государство – ЕДИНСТВЕННЫЙ гарант общественной свободы и безопасности. Тот, кто говорит об «общественном договоре» как основе свободы и безопасности – мошенник, ибо своё место в этом договоре видит ВНЕ общества, во главе его, а не среди тех, на личной судьбе коих будет оттачиваться этот социал-дарвинизм.

КОНСЕРВАТИЗМ

Мы находимся внутри взрыва и поэтому пока не видим и не слышим его. Видим лишь, как перед глазами проносятся обломки старых слов, названий и идеологий. Их уже нет и они уже ничего не значат. Скоро взрыв достигнет и нас самих. В чёрно-белом, схематическом, дидактическом, риторическом, не имеющем никакого практического значения противопоставлении консерва-

тизма, либерализма, капитализма, социализма, стабильности и развития, общего и индивидуального, ТРАДИЦИИ и СВОБОДЫ, – за консерватизмом в обыденном мнении закреплён отказ от революционных перемен. Но лишне напоминать, что даже такому столь простому преодолению дихотомии, как «революционный консерватизм», уже две сотни лет.

Консерватизм, как всякий предмет идеологического исследования, вне его актуальной государственной и общественной практики, – АБСТРАКЦИЯ. Ценности ВСЕГДА противостоят практике. В этом – их смысл и назначение. Человеческие ценности всегда в идеале обслуживают сохранение ОБЩЕЙ жизни – в этом их естественный консерватизм. В этом контексте борьба за справедливость, особенно – за социальную справедливость, является борьбой за жизнь против эгоистической и дьявольской энтропии. Здесь оправдание современного социал-консервативного синтеза. И именно такой постлиберальный (не антилиберальный) социал-консервативный синтез – сейчас наилучший образ должного.

Государство – неизбежное зло, добровольный грех и единственный гарант общественной свободы. Только твёрдая власть является единственной гарантией максимального равенства в свободе.

Человек, выбирающий себе идейную ориентацию, прежде всего и тем самым выбирает себе ТОЧКУ взгляда на общество: изнутри его, вместе со всеми, – или извне его, отдельно от всех. Быть вместе со всеми – значит выбирать своим приоритетом общие стабильность и сохранение жизни. Быть отдельно – значит выбирать самодостаточный переворот, место инквизитора и даже Бога в отношении всех.

СТОЛЫПИН

До тридцати семи просидев в уездных предводителях дворянства, в сорок три П.А. Столыпин возглавил правительство. Помогли родственники. Настал час вынуть из ящика стола проекты государственных преобразований. Их писал всяк начальник, но что сочинил П.А. – узнать не удастся: бумаги пропали. В литовском своём имении П.А. соорудил образцовый прусский фольварк. Будущий патриот, не предвидя возвышения, рисковал избирать идеалом Германию.

1993

КОНСЕРВАТИЗМУ НЕ ХВАТАЕТ

– понимания смертности утверждаемых им личностей нации и государства. В этом его крайняя слабость, заставляющая его хвататься за любой муляж.

РУССКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ СЕГОДНЯ

вдохновляется наследием старой России, которая была другой страной – с абсолютным крестьянским большинством.

Сейчас этот консерватизм НЕ ИМЕЕТ народа, ему нечего сказать нашему русскому большинству, он не интересуется его реальной социальной жизнью, дополнив свою реликтовую риторику лишь новыми агитками межнационального конфликта, а не стратегии. Благопожеланий, а не реальной борьбы.

КОНСЕРВАТИЗМ И СОЦИАЛИЗМ:

их глубинное единство – в старом русском народном принципе: «помирать ложишься – а хлеб сей». Либеральное же требование в этом случае иное: «помирать ложишься – жги дом и дрищи».

БЫТЬ ЛИБЕРАЛОМ ЛЕГЧЕ ВСЕГО

Особенно либертарианского типа. Апология всепобеждающего эгоизма на деле – для душевного покоя – требует лишь строгой веры в свою избранность и гениальность, либо избранность и гениальность своего поводыря. В терминальной стадии – тоже вполне комфортные для параноика мизантропия и социальный расизм.

= от консерватора же требуется для покою слишком много скепсиса и личного труда.

= от социалиста – слишком много неутешительных правд.

= от монархиста – слишком много добровольной лжи самому себе.

ЛИБЕРАЛИЗМ – ПЕРВОЕ УБЕЖИЩЕ НЕГОДЯЯ

«Патриотизм – последнее прибежище негодяя» – сказал лорд Актон. Это значит всего лишь то, что даже негодяй в самом крайнем случае может найти себе убежище в патриотизме – настолько он, патриотизм, несомненен.

При этом постоянно толкуют это фразу как то, что в патриотизме скрываются сплошь негодяи.

ЛИБЕРАЛИЗМ

Правящий либерализм – это олигархическая диктатура, ибо иным, демократическим путём он не может удержаться у власти, поскольку на деле отрицает конкуренцию, практически реализует социальный расизм: монополизм для своих и социал-дарвинизм для большинства.

ЛИБЕРТАРИАНЦЫ О ПОЛЬЗЕ НЕРАВЕНСТВА?

Пусть об этой пользе они расскажут своим женщинам, неграм и гомосексуалистам! Слабо? Слабо. Вот и вся их лживая природа.

НУМЕРОЛОГИЯ

Сочиняя в 1985 году сочинение о цикличности реформ, революций и смут в России в началах веков, я выражал лишь надежду на перемену. И никак не ожидал настоящей истории-как-она-есть.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Отключите на неделю в своём многоквартирном доме свет, газ, воду. Откройте двери бомжам. Объявите о переделе собственности на жильё. Кто через неделю включит свет, газ, воду, закроет двери и гарантирует старую или новую собственность на квартиры – тот победитель. Уличный протест, производимый в согласии с бюрократией, – может стать революцией. Но победитель-то кто?

РАСКУЛАЧИВАНИЕ

Моя мать, прежде говоря о раскулачивании нашей семьи, только в 1996 году, пять лет спустя после конца формального коммунизма, призналась, что у нашей семьи были батраки.

Её дед, мой прадед, Иван, – был обложен налогом как кулак и не смог его уплатить, конечно, и получил максимальное наказание – заключение, которое отбывал на Беломорканале, где вскоре заболел и был отправлен в тюрьму в Белые Столбы под Москвой, где умер.

До того он был знаменит тем, что удалялся от семьи в хлев на дворе, где один пел псалмы.

Когда его взяли, прабабушка выпихнула свою младшую дочь, мою бабушку Анну (Нюшу) замуж за местного колхозного бригадира и гармониста. Бывший жених её подходил всё к окрестности, к деревенскому забору и спрашивал: «как Нюрка-то?»

Когда пошли дети и в семьях братьев им доставались лишь пустые культи с хлебом (вместо сосок), не смоченные в молоке, бабушка выходила к околице и плакала: «мама-мама, за что же ты меня оставила?»

И это было в трудный момент всю жизнь. Я сам это слышал.

Гармонист воевал. Был в плену. Бежал. Был в партизанах. Лишился голени.

УЧИТЕЛЬНИЦА

Моя бабушка Анна была 1911 года рождения. Закончила 3 или 4 класса земской школы. В конце 1970-х мы шли по городу на огород и вдруг встретилась нам такая же бабушка, которой моя быстро пошла на встречу – почти кланялась и благодарила. Это была её первая (и единственная) учительница. Она научила её читать, писать и считать. Библии моя бабушка уже не знала, хотя до конца жизни была образцовой христианкой.

ЛЕВИТАН И ПОСЛЕ

Отец учил меня, показывая: что было возможно для Левитана и что невозможно после импрессионистов и теперь – не: нет и не может быть ни одного пятна одного и того же цвета.

Это фундаментально для того, что я вижу в мире теперь: гетерономия, гетерогония, хаос, непознаваемое.

ЛИЦЕМЕРИЕ

Отец любил вспоминать рассказ о том, как великий Илья Ефимович Репин наотмашь убил словом некоего художника, заявившего: «какой пошлый закат». «Пошлыми могут быть только люди», — отрезал ему в глаза Репин.

В 2012 году была издана переписка Репина с геологом-добытчиком В.И. Базилевским за 1918–1929 годы. Репин уже жил в Териоках в независимой Финляндии, а Базилевский — в отделившейся Эстонии. Оба ярко ругают большевиков, а Базилевский, кроме того, истекает ненавистью к русским как русским и медоточивой любовью к эстонцам как эстонцам. Ни один из них ни разу не увидел, что происходит перед их глазами, под носом, в 1918–1919 гг. в Финляндии и Эстонии: кровавая гражданская война — акты геноцида русских в Выборге, массовые расстрелы красных финнов и жесточайшие условия содержания их в концлагерях, смертельные условия содержания интернированных белых русских в Эстонии. Вот такая «правдивость», явленная в самом интимном, не публичном виде.

ЖАР

Моя мать 1932-го, её старшая сестра, моя крёстная, 1930-го. Году этак к 1934-му и относится яркое воспоминание моей матери, как бабушка моя их, двоих своих дочерей, выпаривала в печи, закрыв заслонку как в бане. Было страшно. Говорили с дочками о детях и о Родине. Мать не та, кто родила, а та, кто ночей не спит. Родина не та, где деньги, а та, о ком ты сам ночей не спишь.

ГЕНДЕР В СЕРЕДИНЕ 1960-Х

Зимой мальчикам шарф поверх одежды повязывали строго узлом сзади, а девочкам строго узлом спереди. Ошибки жестоко высмеивались детьми в яслях и в детском саду. Но уже в конце 1960-х число мальчиков-диссидентов с узлом спереди стало расти.

ОТЕЦ

Ругал меня отец сегодня за занятия политикой: «опять единственно правильное учение (как правящий коммунизм)?!» Во сне. Я стал объяснять, что после 1986 года, как он умер, всё изменилось. Ничего правильного нет. Мой отец родился в деревне в семье шахтёра из крестьян, в доме которого была одна книга — «Краткий курс истории ВКП(б)».

СЕМЬЯ

Всю жизнь он прожил в маленьком шахтёрском городе.

Когда он умер в 1986 году, он оставил нам прекрасную библиотеку книг, русской и мировой классики, истории и искусства общим числом 5000 томов.

Я преклоняюсь перед тобой, мой отец.

СМЫСЛ

Молодым человеком я спросил у своего отца:
«В чём смысл жизни?»

И мой отец, атеист и идеалист, романтик и атлет, художник и книголюб, патриот и индивидуалист, не колеблясь, ответил:

«В ней самой».

А мне-то хотелось её посвятить чему-то.

МОДЕСТ

Мой пра-пра-пра-прадед Потап Резвой (1756 — после 1789) был затейник. И в святцах выбрал своим детям чаще редкие имена: Савелий, Илья, Марфа, Улита, Домна, Лукерья. А Марфу, кстати, выдал за Иуду.

ШАХТЁРЫ

Мой дед по отцу был шахтёр, отец начинал на шахте, мать всю жизнь проработала на одной

шахте. Я вырос среди терриконов, периодических шахтёрских тревог и смертей, никогда не умолкающего голоса железной дороги.

Даже сменивший первым в своих родах за известные мне их 300 лет место жительства, я не могу изменить им.

ПОДАЯНИЕ

Когда СССР рухнул, в московском метро резко стало много нищих. Именно тогда, в начале 1990-х, по вагонам прошла волна коллективов, которые почему-то считали молдавскими: «сами мы не местные, помоЖите, чем можете».

В одном из переходов я увидел чистую бабушку с образцово чистым внуком: остался без родителей. Я подал много денег, хотя сам не был достаточен. И сказал ей: «потрать на него».

Я рассказал об этом моему ныне покойному старшему брату: он – так, как он это умеет, коротко с презрением спросил меня: «так и сказал ей?»... и я понял весь свой позор.

Позже в переходе я встретил просящего подаяние старика: он был полной копией моего тогда уже лет десять как умершего отца. И полной копией в росте, стати и стиле – только полностью седой стала борода. Он также строго держал перед собой шапку, в которой в столь же абсолютном

порядке были сложены купюры. Это был мой отец.

Я подал и убежал. Когда я рассказал об этом брату, он спросил меня: «ты не заговорил с ним?» Нет, я не заговорил...

ИОАНН И ЕГО ДЕТИ

Первый раз в церкви в трезвом возрасте я был с бабушкой Ньюшей, Анной Ивановной. Уже тогда я обратил внимание, что среди тех, кто был записан на её бумажках в двух экземплярах (один для дома) «за упокой» был *Иоанн* «воин» и Иоанн – просто. Потом лишь я узнал – не от бабушки, а от её дочерей, в том числе моей матери, что Иоанн-просто – это её, Анны Ивановны, урождённой Слесаревой, отец, мой прадед. А Иоанн-воин – её старший брат, погибший на войне (погиб и второй брат, и сын его).

В конце 1920-х за невыплату повышенного налога мой прадед Иван Павлович Слесарев был раскулачен и вскоре отправлен на Беломорканал, откуда ещё до окончания стройки по болезни был переведён в тюрьму в подмосковные Белые Столбы, где и умер в 1934 году, а затем привезён домой, зимой, в холод, и похоронен. Если это так и он умер не дома, то это – большая редкость, чтобы умершего в заключении привезли домой.

Прадед Иван, когда был ещё дома, при хозяйстве, ни с кем не делил свою религиозность. И бабушку мою, и мать мою с сёстрами учили молиться по-простому, даже без Библии. Иоанн же удалялся на дворе в хлев, где в одиночестве пел псалмы. Когда моего прадеда взяли, мать моей бабушки срочно выдала её, свою семнадцативосьмнадцатилетнюю младшую дочь, замуж за первого попавшегося гармониста, но бригадира. Когда бригадир вслед за многовековым отходничеством с наших мест устроился в Москву управдомом (до 1932 года, пока его из-за паспортизации из Москвы не выкинули), бабушка осталась с первой дочкой одна и пошла приживать к братьям. Невестки – жёны братьев – не были добры. Единственное, что об этом рассказала мне бабушка, так это то, что, в то время как своим детям тряпочную культю с хлебным мякишем (вроде соски) они смачивали в молоке (видимо из груди дети высасывали всё подчистую), ей молока не давали. И она совала своей дочери в рот культю пустую – с хлебом, но без молока.

«Выйду я за околицу, – говорила мне бабушка, – и плачу: мама-мама, за что же ты меня оставила?!»

Оба брата моей бабушки погибли на войне. Один ушёл на войну со своим старшим сыном. Сын погиб. Следов их я не нашёл.

ИДЕАЛ-АТЕИЗМ

Мой отец, стихийный атеист и убеждённый идеалист, с конца 1970-х повторял: «надо смотреть на обыденную жизнь “со звезды” — иначе в ней нет и не видно смысла». Кажется, он имел в виду не только моральный закон, но и большую историю, которая тогда опять началась.

МОЛОКО

Этак в детстве принесёшь домой бидон разлитого молока производства местного молокозавода, а молоко горчит. «Коровка вчера что-то польни наелась», — безошибочно говорит моя мать, помянув свою любимую домашнюю корову Зорьку, тихую и умную, всегда самостоятельно приходившую домой из стада.

ОТЕЦ

Мой отец, русский художник-самородок, почти проснувшийся готовым художником в юности от первого же пленэрного знакомства с Павлом Радимовым, учеником Фешина, Поленова, Репина, он был и страстным книжником и рассказчиком. Но мой отец не любил Достоевского. Тем бесценней то, что он подарил нам с братом счастье вырасти с наилучшим, академическим собранием Достоевского. Вспоминаю его первый том и себя пятнадцатилетнего — и с предвкушением жду того

возможного конца, что Бог даст мне встретить с перечитываемым Достоевским.

...И с раннего моего детства отец подарил мне усыпанных постраничными чтениями и часовыми рассказами из мемуаров – пошаговых и постраничных, потом – покартинных – Левитана, Серова, Врубеля, Рембрандта, Рубенса, Тициана, Веласкеса, Иванова, Коровина, Малявина, Архипова... и десятки малых, но великих.

В той точке земли, где вся мыслимая цивилизация была – шахтёрская советская власть и уже затухающее дыхание убиенного крестьянства. Я никогда не сравнюсь с отцом в том, что он сделал для меня.

ЖЕНА

Всякая твоя жена – твоё подсознание, твоё «второе я», твоё зеркало. Можешь рассмотреть и познакомиться.

РОДИТЕЛЬСТВО

Молодой родитель растёт вместе с детьми, всё открывая впервые и заново.

Взрослый родитель не может не видеть, как с младенчества строится и предопределяется внутренняя история душ его детей.

И тщится максимально спасти их от будущей боли, которую уже несёт в себе сам.

ВОПРОС О ЦЕНЕ НЕ ПРАЗДНЫЙ

Моё личное научное творчество оплачено самоотверженным жизненным подвигом моих родителей и моего старшего брата, не говоря уж о подвиге войны и выживания моих предков в целом. Не говоря уж о судьбе моего ангела. Это кладёт тень и свет на очень многое:

*Взгляни на ниву: пашни много,
А дня немного впереди.
Вставай же, раб ленивый Бога,
Господь велит: иди, иди!
Ты куплен дорогой ценою,
Крестом и кровью куплен ты...*

(Хомяков)

ПОДЕЛКИ НА ПОЛКАХ

Пока я был юн, отец мой аккуратно – как легендарно аккуратно делал он всё – собирал мои рисунки в отдельную папочку. Я стыдился их, становясь в душе всё более выдающимся рисовальщиком. Мой отец умер и я не успел. Пока выросл, я с растущим удивлением наблюдал, как с растущим упорством мать моя собирает мои детские поделки, храня их на видном месте, гораздо более видном, чем мои издания и сочинения.

Пока я искал себя, мой старший брат, внимательно присматриваясь – как всё, что он делал в жизни – собирал мои первые издания, кривые, раздавленные пафосом.

Росло число моих детей, рисуя, чертя и клея. Но в шкафу у моей матери *мои* поделки стояли твёрдо, как памятники.

Мой брат умер и, разбирая его багаж, где в финале последнего дня на прикроватном столе были «Сахарна» Розанова, «Страх и трепет» Кьеркегора и «Coda» *Led Zeppelin*, я вспомнил, сколь мало было нам нужно, чтобы сразу выбрать своим любимейшим чтением «Петербург» Андрея Белого, «Пятую язву» Ремизова и максимы Шкловского: они держат в себе пространства.

Дети пошли в рост, оставляя на полках свои поделки, находя на верхней Василия Розанова.

Моя мать умерла.

Я выставил поделки и рисунки впереди книг.

ДЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Прошло 50 лет и моя дочка принесла из детского сада заклинание точно в том же виде, как знал его я.

*Мирись, мирись, мирись
И больше не дерись.
А если будешь драться,
Я буду кусаться.*

*А кусаться не при чём,
Буду биться кирпичом.
А кирпич ломается –
Дружба начинается.
(сцепившись мизинцами)*

ИЗ ДЕТСТВА

Простыня, высушенная на морозе, раскололась надвое.

Ветхая простыня, выжимаемая двумя (моей матерью и мной ей в помощь), разорвалась пополам.

ГЛОБАЛИЗМ

Как-то после окончания школы я встретил нашу школьную техничку на улице: она шла, останавливаясь, чтобы кому-то в небе помахать рукой. Когда я поравнялся с ней, она узнала меня и сказала, показывая в небо: «Солнце – наша планета!»

ДЕТСКИЙ ПАТРИОТИЗМ

Это когда в самый страшный момент боя и смерти неожиданно приходят долгожданные и победные НАШИ и спасают всех, а враг бежит. Тогда младенец ясно понимает, что его мужество не бессмысленно и Родина всегда слышит и Родина всегда знает.

Взрослый лишь потом узнаёт, что младенец служит своей мистической родине и в общем только

вне своей жизни будет мистически вознаграждён. Да впрочем и не нуждается в награде.

УВЫ, НО ЭТО ТАК

Один ребёнок – весь мир (или отрицание его). Двое детей и более – обязанность понимать разные индивидуальности и их судьбы (или отрицать все). И только трое детей возвращают их, самодостаточных и почти изолированных, в семью.

УХОДЯ

(Как стало скоро ясно) уходя, Соня стала меньше читать, больше слушать. Особенно музыкальное радио, чтение вслух и аудиокниги. За телевизором наблюдала с растущим скепсисом и даже простую телевизионную серость встречала с презрением. Последняя оконченная книга – «Капитанская дочка». Последняя проштудированная русская история – Иван Грозный. Последняя не оконченная книга – «Всадник без головы». И я помню – какие последние устные слова: «Это – сон?»

НАРАЯМА

Японский фильм «Легенда о Нараяме», где мать-старуху традиционно относят умирать в горы, чтобы не кормить, полностью рифмует-

СЕМЬЯ

ся с русской северной, поморской байкой о том, как сын повёз отца в лес на вымор.

И вот моему Андрюше уже 3 года: «Когда ты будешь маленьким, я тоже посажу тебя на колени».

РЕДКОЕ ЗНАНИЕ

Когда от тела отлетела душа, самое последнее тёплое место в нём – верх живота, прямо под грудь, в солнечном сплетении. Бог дал мне это знание лично. А душа во тьме – маленькая мерцающая и движущаяся белая точка.

СЛЫШИТ

Во сне душа моей Сонечки вернулась в её больное тело в постели и жалуется мне:

– Я – трагедия.

– Нет! – немедленно отвечаю я изо всех моих душевных сил, – Ты – счастье!

Она молча смотрит и слышит меня.

СМЫСЛ

С детства, следя за чрезмерно длинной линией жизни на ладони, я всё недоумевал: что за два перелома посреди неё? И вот первым стала инвалидность. А вторым стала утрата. Инвалидность не прибавила никакого смысла. Бессмысленная утрата придала смысл всему.

СССР

Фальшь, несвобода, бытовая нищета дефицита, где бытовая власть – в руках мурла возле распределения благ. «А Русь всё так же будет жить, / Гулять и плакать под забором...», – часто с сердцем цитировал мой отец этнографически близкого нам Есенина. И о правящем мурле: «Не хочу лежать рядом с ними...», – говорил он. Лежит рядом. Давно уж на кладбище в Карачево.

БОЛЬШОЙ ТЕРРОР И ГОЛОД

Были гораздо меньше ощутимы большинством народа 1930-х, чей почти единственный социальный опыт состоял из крестьянской нищеты, революции и войн, – меньше, чем об этом написали те, кто руководил революцией и террором, обслуживали их, а затем были ими же съедены.

Социальное рабство не сочувствует лагерным бездельникам-придуркам, давшим главные мемуары о рабстве.

ИЗЖИВАНИЕ КОММУНИЗМА

Бывши октябрёнком с 1971 года, хорошо помню, что тогда традиционные, крупные и железные октябрятские значки-звёздочки начали вытесняться их «модными» аналогами — маньеристскими пластмассовыми, прозрачными, тонкими, где идеология была уже превращена в чисто эстетический жест (кажется, железная стоила 5 копеек, а пластиковая — 10–15 копеек). Так маньеризм изживает канон и делает его декоративным. А потом выбрасывает его вон. А поколения спустя — делает его винтажным материалом.

КОРРОЗИЯ

В 1988–1990 гг. у некоторых русских коммунистов был краткий момент «национал-большевизма наоборот» — как обратный путь от советской лояльности к государственному национализму. Он был пройден очень быстро, ибо государственный национализм был властью выброшен вон. Первый же национал-большевизм 1920-х (до его управления из ГПУ) был жертвой. Приоритетом государства и личным самопожертвованием. Но

эта жертва исходила из презумпции того, что власть действует адекватно национальным интересам. То есть была жертвой не государству, а власти, которая не гарантировала и не собиралась гарантировать жертвователю оправданности жертвы и следования государственным интересам.

ТОЧНЫЙ ПРОГНОЗ О КОММУНИЗМЕ

Весьма точное прозрение экс-посла России во Франции Василия Маклакова в письме экс-послу России в США Борису Бахметеву от 2 января 1923 года (в эпохальном издании их переписки, подготовленном Олегом Будницким):

В России есть достаточно богатств, чтобы, уступая их на эксплуатацию иностранцам под условием отчисления в пользу правительства известного количества продуктов в натуре, можно было бы удовлетворить всем потребностям и прихотям правящего меньшинства. Вот та схема, которую коммунисты-циники излагают без всяких обиняков, чёрным по белому. Достаточно этого, чтобы видеть, где именно может треснуть коммунистическая партия... Сохранить господство коммунистической аристократии можно только этой ценой; страна должна вымереть и отступить назад в своей культуре...

Вымирать в буквальном смысле страна стала после коммунизма.

СССР ПОГУБИЛА ЕГО ПРОПАГАНДА

Многолетняя тотальная ТВ и радиодемонстрация старческой слабости власти, супротив которой даже способные вымолвить «мама мыла раму» аферисты были хороши. Первое время.

Вот именно из этих пропагандистов времени старческой слабости и аферизма и вышли главные деятели перестройки и постсоветского либерализма.

СОВЕТСКИЙ СОЦИАЛИЗМ И ПОСЛЕ НЕГО

Во внешне монотонной русской жизни семидесятых годов человеческая душа была асоциальна и питалась почти исключительно любовью и алкоголем. Даже предельно социализованная западная рок-музыка была средством личной, сугубо индивидуалистической свободы. И было странно видеть, как беспомощны и неестественны становились любимые, несущие каждый свой единственный, редкий выдох и запах, когда нечаянно возникал глупый вопрос об общественном кредо. Когда ожесточённо алкающие любви и свободы люди должны были досказывать свои художественные предпочтения до «миросозерцания». Во внешней жизни своей они послушно-беспомощно плыли за стадом, за гуманизированным и не очень людоедским социализмом. Быть левым,

но не террористом, быть розовым — значило быть человеком. Впрочем, человеком частным, коего угораздило вляпаться в общественность. И будущие спокойные и циничные историки непременно заметят и простят ту комичную гонку советских интеллектуалов по идейному спектру слева, направо, правее, правее, что случилась в 1987–1993 годы. Инерция коллективности заставляла их соблюдать последовательность даже у шведского стола мирозерцаний.

Счастлив тот, кто писать начал в 1991-м, сборник его художественно-публицистических произведений, в отличие от книжек прорабов перестройки и зачинателей «религиозно-философского ренессанса», не уподобится гамме от красного к белому.

24 марта 1994

МЕРА СВОБОДЫ ПРИ КОММУНИЗМЕ

Владимир Александрович Козлов и Ольга Валериановна Эдельман, опираясь на документы надзорного производства Генпрокуратуры СССР, убедительно показали, что практически весь антивластный протест в СССР был в рамках «возрождения принципов социализма и советской власти» и следования сталинской конституции. В моём родном маленьком городе, в середине 1950-х ставшем ареной крупных беспорядков,

о чём я знал по рассказам с детства, а потом прочёл у Козлова по хрущёвским бумагам, в моей юности диссидент тоже был. Один мужик по фамилии на букву П. Он мощно, громко и непрерывно ругал власть, писал бранные жалобы объёмом больше, чем «ПСС Ленина в кабинете секретаря горкома партии». И ничего ему за это не было, ибо он имел некую невинную психическую справку и считался инвалидом. Он, крупный и грузный, действительно порой застывал посреди тротуара, пристально вглядываясь в асфальт. Жил он выращиванием кроликов. Неподконтрольная советской власти система сбыта их меха и тел делала его вполне независимым человеком.

СОВЕТСКОЕ ОФИЦИАЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Входя в зеркала и мрамор шахтёрского Дома культуры, поднимаясь по широким лестницам, невольно запрокидываешь голову: там, в потолках, ренессансные краски и формы пролетарских росписей, в небесах изобилие, детство, свет и антифункциональная роскошь. Свет, чёрт побери, и никакого социализма. Кто помнит воздух шестидесятых, вспомнит и резкое пред этой безмятежностью художественное помрачение жизни, почему-то обнажившуюся в хрущёбах бедность, почернение пленэрных работ и растущее абстрагирование колористических (под Машкова, а не

под Крымова) поисков от всякой предметности. Упорное самопреодоление реалистического канона, стимулируемое не блекнувшими и обсыпавшимися картонками авангардистов, а самим бессмысленным светом потолков шахтёрских ДК.

23 октября 1993

РАДИКАЛЬНЫЙ РАЗРЫВ

Чем дальше в XXI-й век, тем труднее знающему историческому сознанию будет отделять с бытовой, потребительской, масскультовой точки зрения (вне пропаганды) 1900–1910-е годы России от 1920–1950-х годов СССР – в народном большинстве и в столичном масскульте – это мало различимый социальный континуум. ТЕМ ОСТРЕЕ будут мифологические усилия радикализировать и риторически углубить политический и пропагандистский разрыв между Россией дореволюционной и советской до самого адова дна. (Придя на работу в строительное управление в 1980 году, я в Красном уголке его обнаружил натуральный огромный стол с зелёным настольным сукном вполне в духе XIX-го века, а в его огромном и легко движущемся нижнем ящике – нетронутую, будто вчерашнюю, инструкцию по сборке финского дощатого домика 1948 года издания.)

ПРИЗНАНИЕ ОБ ОТРИЦАНИИ

Живя в СССР, я НИКОГДА не признавал его инобытием России и продолжением Российской империи и хотел России, только России.

АНТИСОВЕТЧИКИ И ЗАПАДНИКИ

В позднем СССР антисоветчиками и западниками были, как правило, дети номенклатуры и романтики.

Теперь же антисоветчиками выступают, как правило, романтики или дураки.

Надо быть романтиком или дураком, чтобы считать Запад образцом жизни, и просто дураком — чтобы видеть достойное место для России на Западе.

3 ОКТЯБРЯ 1993 ГОДА

Зашла речь об идеологиях поддержки Ельцина, на чьей стороне я тогда был. Надо прямо сказать: для меня это был книжно-исторический мимесис: за Корнилова против большевиков.

СССР

Люблю 9 мая и 12 апреля, созданные СССР. Но СССР убил себя. Он самоубийца. Он недостоин любви.

ЕСЛИ БЫ НЕ БОЛЬШЕВИКИ

— увы, русский «всечеловек» Достоевского остался бы пустым звуком провинциальной тщеты.

ИДЕОКРАТИЯ

Старшее поколение коммунистических вождей, генетически связанных с русской революционной интеллигенцией, меньшевистской по происхождению доктриной тоталитаризма и интеллигентской же евразийской идеократией, — даже в худших своих примерах оставалось идеократическим, особо чутким к идейно-литературной стороне и идейно-пропагандистской практике мировой борьбы (столь трудно понимаемой в России сегодня).

Поэтому их чуткость к идейной борьбе и поставила на советскую службу Пастернака, Мандельштама, Эренбурга, Якобсона, Шульгина — и она же казнила тех из них, кто оказался негодным, поступив во внутреннюю номенклатуру такой борьбы.

Чтобы побеждать в такой мировой борьбе, надо было ОСТАТЬСЯ пастернаками и эренбургами, надо было идти рядом с Шульгиным и Маклаковым, но советская власть стала изображать из себя смесь Окуджавы и Евтушенко, заигрывать с Пикассо и Сартром. И проиграла.

МЕРИТОКРАТИЯ И СОЦИАЛ-ДАРВИНИЗМ: ОТ СССР К РОССИИ

Шестидесятническое утверждение морального, научного и культурного лидерства наличной номенклатуры и её обслуги в коммунизме, поиск «своего права на власть» стал утверждением своей МОНОПОЛИИ на власть над народом, а не борьбой за его освобождение.

Либертарианская капиталистическая диктатура коммуниста Гайдара – и есть право на власть для тех, кто сидя у власти просто меняет ей санкции для себя: то моральные идеалы, то высшее знание, то «эффективность».

К счастью, Большая часть их оказалась ни на что позитивное не способными в деле.

К несчастью, они оказались таковыми во главе нашего народа и нашей страны.

ТЕПЕРЬ они перешли от научного коммунизма и далее научного либерализма – к научному православию и научному монархизму. Любой каприз для монополии на власть над тобой, любимый народ!!

ЦАРИЗМ, КОММУНИЗМ И СТАЛИН: КРЕСТЬЯНСКАЯ ПРАВДА ПРОТИВ ИНТЕЛЛИГЕНТСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА

Воспитавшие меня мои родители, моя бабушка и мой брат (крестьяне, шахтёры, их дети) отно-

сились к царизму, коммунизму и сталинизму почти равно отрицательно. Сами они были скорее стихийными социалистами.

Но в понимании своего места в истории все они ясно определяли судьбу нашего народа как эсхатологически неизбежную ГЕКАТОМБУ, которой наш народ так и не выработал альтернативы. И прошёл СКВОЗЬ неё, чтобы выжить.

И теперь в своих исследованиях контекста Сталина, которые лжецы-агитаторы клеймят «сталинистскими», я в итоге следую общему пафосу моих воспитателей, концентрируюсь на контексте: сталинизм – неизбежное зло, коренящееся в модерне, капитализме и царизме.

И прав Олег Рудольфович Айрапетов: наши прямые крестьянские предки, наши бабушки – ПОСЛЕДНИЕ крестьяне старой России, для которых прежде всего были важны: своя земля, свой круг солидарности, равенство и справедливость – вот их социализм, равно противостоявший феодализму, капитализму и коммунизму. Их больше нет. Но мы это знаем из первых уст и рук и помним очень хорошо.

СССР

Глядя сейчас на хрестоматийно известный в СССР рисунок Гуттузо «Девушка, поющая «Интерна-

ционал», я вспомнил своё детское удивление от него тогда. Удивление было от живого пафоса вокруг Интернационала, которого вокруг себя в советской жизни 70-х я не видел никогда: публичного, политического требования социальной справедливости, равенства, народной свободы. Советская власть, законно требуя, как всякое государство, лоялизма, сама кастрировала внутри страны свою социальную риторику и тем сама погубила себя.

Классическое исследование В. А. Козлова и О. В. Эдельман показывает, что абсолютное большинство «антисоветских» выступлений в СССР было именно в защиту советской риторики, за советскую власть против переродившихся коммунистов.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КЛАСС СССР

30 лет спустя после развала СССР во главе с КПСС наблюдаю с растущим вниманием за способностью представителей того политического класса мыслить и критически анализировать события и себя в них.

Они живы, внятны и почти ничего не скрывают. И вот вывод: абсолютное большинство из них интеллектуально совершенно не годны даже сейчас. Страшно думать, что они являли собой тогда, у тонущего руля.

УРОКИ БОЛЬШЕВИКОВ И КОММУНИСТОВ:

как воссоздать государственное единство после 1917-го и как уничтожить его к 1991-му.

МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Не люблю мировую коммунистическую революцию. Не ищу ей оправданий. Но не могу не видеть, что она — лишь отражение мирового господства Британской империи и глобального либерализма, и прочего глобализма.

ОТВРАЩЕНИЕ

Я хорошо помню широко рассеянный стыд и отвращение от поздней геронтократической советской власти, из ряда коей Горбачёв выпал лишь в первые два года своей власти.

И теперь хорошо знаю об отвращении моих героев от царской России.

При этом ясно, что и Российская империя, и СССР имели свои несомненные подвиги и, собственно, дали жизнь нашему народу.

Надо иметь мужество знать, чтобы быть достойным русским человеком.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ:

Сс

Василий Перов

Даже простейший русский художник-передвижник свидетельствует: социальная революция – требование элементарной социальной справедливости. Современный букварь приклеит к этому художнику целый набор отработанных штампов: народник, реалист, передвижник. Голова добавит к наклейкам главное – социальный критик. А искусствовед будет презрительно морщиться от примитива живописи и сюжетов, ища в кадриках вкусные детальки, лишь бы не говорить о главном – о том, что его, жертву пластических операций и гламура, и случайного посетителя Третьяковской галереи, жертву многодесятилетнего тяжёлого физического труда и запоя, до сих пор объединяет одно – абсолютное знание главных картин этого человека. И это ни придумать, ни опровергнуть нельзя.

2 января 1834 года (по старому стилю – 21 декабря 1833) родился Василий Григорьевич Перов

(умер в 1882-м) – русский художник, которого обычная человеческая молва легко назовёт великим. Вот уже почти 150 лет простейшее знание о искусстве, которое просыпается в русском человеке, первые же шаги делает рядом с картинками, тянется к картинкам Василия Перова. И потом всю свою жизнь все эти полные шесть поколений сквозь катастрофы и революции наш человек переходит от календарей к открыткам, плакатикам и обложечкам, ведомый до банальности известными и порой примитивными картинами Василия Перова. Перов занимает для них почти весь социальный горизонт изобразительного искусства, как Репин и Суриков – историческую живопись, Левитан и Куинджи – пейзажную, Васнецовы и Билибин – почти всю национальную сказку.

Когда вдруг и отныне оказывается срочно нужным для каждой новой государственности и революции научить человека не только инженерной азбуке, но и азбуке знаний о человеке, обществе и справедливости, на помощь элементарному зрительному просвещению приходит Василий Перов. Особенность нашего до сих пор не уничтоженного либеральными экспериментаторами и вивисекторами народного просвещения, которому враг приклеивает то избыточный лоялизм, то чрезмерный советизм и «тоталитаризм», со-

стоит, однако же, в том, что в его основе лежит последовательная, тотальная социальная критика, где образами отвергаемого зла служат не только азбучные грехи, но прежде всего – оскорбление бедности, злоупотребление слабостью незащищенных, наглое презрение к окружающей нищете, самодовольное бытовое палачество мизерных начальников...

Детальную галерею этого отвергаемого зла (как А.Н. Островский – полный репертуар национального драматического театра) дал русскому народу именно Василий Перов.

Именно Василий Перов сопроводил эту галерею предметного и очеловеченного руками и ногами зла – индивидуальными образами его жертв: маленьких, стареньких, убиваемых и унижаемых, в защиту которых от зла у каждого живого зрителя в душе поднимается совесть верующего человека, а как максимум – воля социального революционера. С таким просвещением не могла и, главное, не хотела бороться в России ни одна власть, ибо против такой справедливости может быть только стадо самопожирющих зверей.

СЛУЧАЙНОСТЬ НЕ-РУСОФОБИИ

Вслед за русофобом (в силу «борьбы с царизмом») Марксом, русофобом (в силу своей первобытной мизантропии) Лениным, русофобом (от мании величия) Троцким, одновременно с русофобом (от быдлечести) Демьяном Бедным, так и квакал бы свою шестёрочную русофобию Бухарин, если бы однажды его – и соответственно всех – громко и примерно не одёрнул Сталин.

Зачем это стало нужно Сталину во главе «социализма в одной стране» – в целом ясно. Но кто – кроме Сталина – рискнул бы пойти поперёк этой мощной традиции?

Да и Сталин пошёл лишь на время.

МОИ РОДИТЕЛИ

Отец мой смертной ненавистью ненавидел Сталина. «Всё испортил», – говорил он о Сталине. Зная это, моя мать иной раз едко подтрунивала над ним: «а ты ведь плакал после XX съезда,

когда Хрущёв разоблачил Сталина...» — отец мой с гневом отвергал свои слёзы.

Мать моя имела моральное право напоминать: в марте 1953-го она двинулась из тульского Сталиногорска хоронить Сталина и попала в страшную давку на Трубной площади в Москве. Вспоминала это о себе со смехом — как о глупости. Хрущёва они оба просто презирали.

СОЦИАЛЬНОЕ

Давно уже я решил сравнить практику питания и жилья сталинских заключённых, военнопленных и «свободных».

Итог ясен давно — они в массе почти равны.

ИМЕННО ЭТО, прежде всего, порождает во мне классовую ненависть к номенклатурному «либерализму» в его дедах и внуках.

ДИЛЕММА

Против Гитлера или против Сталина? Ответ русского эмигрантского социал-демократического (меньшевистского) «Социалистического Вестника» 23 июня 1941 года: сначала против Гитлера.

НИЧТОЖЕСТВО КАДРОВ СТАЛИНА

1. Допустим, Берия и Маленков не торопились спасти Сталина, чтобы он их не убил, — но ясно, что они не убили Сталина.

2. Допустим, что Сталин спокойно реализовал план XIX съезда и заменил ближний круг своими условными новичками.
3. Кто эти новички? Сталинцы нового поколения? Мы их знаем: Сулов, Устинов, Брежнев, Андропов, Громыко.
4. И их воспитанник – Горбачёв.

СТАЛИН и ПРОПАГАНДА

Стремление Сталина любой ценой оттянуть время войны с Германией хотя бы до 1942 года, много говорит о его уме, знании возможностей СССР и свободе от собственной пропаганды. Свобода от собственной пропаганды – большая редкость.

ТЕЛЕФОНИСТ РЕДЬКИН

Военный телефонист Пётр Редькин был поставлен ночью дежурить на канале правительственной связи между их участком и соседним. Его задачей было простым подключением наушника контролировать: есть связь или нет, если нет – поднимать тревогу среди начальства. Конечно, было сказано: «по этой связи может позвонить товарищ Сталин». Редькин обмер и решил не подвести товарища Сталина. До армии в клубе он видел кинофильм про Октябрьскую революцию, где революционеры бес-

перебойно кричали в телефон и из телефона: «Смольный! Смольный» и в ответ «Смольный слушает». «Нет связи!» – иной раз трагически звучали слова, и сердце падало у всего зрительного зала. Ведь это значило, что весь массовый героизм революционной борьбы зря, и партия никогда не узнает и не поможет решительным ударом... Редькин решил не доверять телефонным гудкам и проверять связь личным звонком на соседнюю станцию. Каждый час в эту ночь он будил соседних военных телефонистов звонком и отчаянным криком: «Проверка связи!». Телефонисты истратили на него весь свой запас матерных слов, но уснуть так и не смогли. На утро начальству пошёл доклад «уберите этого сумасшедшего». После утреннего построения Редькина подозвал к себе ротный старшина и сказал ему, что он больше не пойдёт в ночной наряд на канал правительственной связи, потому что он свиное рыло и козёл. Молодой лейтенант из среды советской интеллигенции, страдая от скуки, зацепился ухом за этот отеческий разговор и лениво полюбопытствовал: «Петя, а штотам было-та?». Редькин, не выходя из ноосферы Смольного, всё рассказал, как есть, а именно, что товарищ Сталин будет звонить, а наушники могут обмануть. И поэтому в наряде на правительственной связи спать нельзя.

Лейтенант тут же написал донос. Старшину отправили командовать постирочным взводом, а Редькина оставили на ночном дежурстве, но уже еженощно. Гром неспящего Смольного гремел на телефонных станциях год за годом.

Сталин не позвонил. Но с годами, уже после службы, Петру Редькину, который так и не удостоился даже устной благодарности командира отделения без занесения в личное дело, стало казаться, что иногда товарищ Сталин всё-таки поднимал свою далёкую телефонную трубку и молча слушал, как надёжно, раз в час, на линии звучит истерический проверочный вскрик телефониста.

Да ведь так оно и было на самом деле.

СТАЛИН

Сталин – зло, равное злу капитализма, колониализма, империализма.

Он не создал НИ ЕДИНОГО инструмента государственного террора, принуждения и мобилизации, который не создал бы капитализм. Только трусливые лжецы, осуждая Сталина, отказываются это признать и осудить капитализм, колониализм и империализм с такой же решительностью.

Что расистски пряталось капитализмом от метрополий и реализовывалось им в колониях, Китае и Индии, Сталин реализовал в отношении своей страны. Кроме геноцида.

КРАТКИЙ КУРС РУССКОЙ ИСТОРИИ: ЗАПАД

Сначала Орда уничтожила Русь. Затем остатки Руси поглотила Литва. Затем Литву поглотила Польша. Затем Польша и Швеция подчинили себе Московию. Затем Швеция победила Польшу. Затем Россия отняла у Швеции Прибалтику. Затем Россия отняла у Швеции Финляндию. Затем Россия уничтожила этническую монополию шведов в Финляндии в пользу финнов. Затем нейтральная Швеция поступила на службу к Гитлеру, а Польша не смогла. Затем Швеция и Польша создали «Восточное партнёрство» для поглощения Белоруссии и Украины, но кончились деньги.

ЗАКЛИНАНИЯ

1. будь сильным прежде всего и в конце концов;
2. привлекай на службу и награждай верных;
3. не лезь в веру и душу тем, кто не трогает твоих основ;

4. двигайся быстро;
5. не покупай лояльность деньгами, плати только тем, кто уже сделал свой выбор и гарантировал его своей жизнью;
6. построй имперскую школу сверху донизу рядом с национальными;
7. развивай имперские коммуникации раньше локальных;
8. не имей заморских колоний.

РУССКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ И РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ

Русский империализм и русский национализм – все разговоры о них останутся интеллигентским пустословием до тех пор, пока политическое сознание России не сделает для себя самые принципиальные выводы из двух фактов:

1. создания Николаем I и Александром II экономического гиганта Польши за счёт всего имперского рынка;
2. создания Сталиным экономического и демографического гиганта Советской Украины, на фоне которого хрущёвская сдача Крыма – сущая мелочь.

РУССКИЙ (ПОЛИТИЧЕСКИЙ) НАЦИОНАЛИЗМ

Его последние дозы я вычихал в начале 2000-х, после ряда лет работы в регионах России и в начале работы в ближнем зарубежье.

Но не сразу понял, что альтернативой ему не глобализм-интернационализм, а империя.

КУЛЬТУРА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Культура старой России была несомненно великой, но велика была в том числе мощной самокритикой и самосознанием, если и падкой до *всечеловечности*, то прежде всего в осознании своей вселенскости и предельной ответственности, а не от провинциальной фанаберии, как сейчас. Её клоуны-наследники ныне – спесивые царебожнические стилизаторы и жертвы жабьей гордыни. Но не наследники они, а подражатели. Чаадаев-таки выше Солоневича.

ЧТО ПОЛЕЗНО ЗНАТЬ ЗАРАНЕЕ

Если бы двум миллионам сливок и молока нации сказали в 1905 или в 1917 году, что через 15 лет или 3 года их навсегда лишат родины, а их дети и внуки на 99% перестанут быть русскими, они уже в 1905 году покончили бы с Николаем II, а в 1917-м с Керенским и т. п.

ЧТО ТАМ БЫЛО

Мои родители и далее род в род – деревенские. Но в жизни моего поколения деревня – это уже убитый осколок.

К счастью, содержащиеся ныне в 99% в отличном состоянии деревенские мемориалы погибших в Великой Отечественной войне – это по 50–200–300 мужчин на одну фамилию – с одной деревни. И война очевидно убила больше крестьян, чем загубили коммунисты. Россия ещё вчера была крестьянским океаном.

Вот что надо держать в уме, говоря о старой России и про «хруст французской булки», который потеряли ряженые разной степени мастерства.

ДВОРЯНСТВО

Сусальный миф о дворянстве конца Российской империи с его этикой, нравами и культурой победил. И победил потому, что зеркально противостоял массовой социально-культурной ненависти времени революции.

«Ба-а-арин!», – было самое страшное социальное ругательство моей бабушки-крестьянки в отношении того, в ком предполагались чрезмерная личная требовательность и индивидуализм.

На самом же деле – и эти деклассирование, маргинализация, разрушение сословных границ историкам хорошо известны – массовое дворянство конца империи задолго до этого конца превратилось в класс государственных служащих либо профессиональных прожигателей жизни.

Главные вожди Белого движения в большинстве своём — не потомственные дворяне, а военные или политические служители государства. Они не смогли защитить государство от белого классового эгоизма. И масса офицерства военного времени в 1915–1918 гг. — вовсе не дворяне: тем легче ей было пойти на службу к большевикам. Социальное же лицо этого дворянства ярко описал в 1907 году левый либерал А. С. Изгоев:

Необразованный, жадный холоп, низко льстивый перед сильным и богатым и вызывающе наглый перед бедным и слабым — таков тип пореформенного дворянина, заветным идеалом которого было войти винтом или колесом в бюрократическую машину.

Вот что «мы потеряли». И вот чему на деле молится кухонная клака декоративных белых и клоунатных монархистов.

Если опыт с введением конституционной монархии окончится полной неудачей, нас ждёт не возрождающая революция, а чёрная анархия... В этой анархии погибнет всё.

(А. С. Изгоев. Конституционные силы России // Русская Мысль. М., 1907. Кн. XI. II отд. С. 146)

ДЕТСТВО

Я помню даже то время, когда колготок не было, а маленькие мальчики носили чулки на широком

поясе на талии, называвшемся лифчиком. Я сам носил их так. И когда колготки появились, то считались они чисто женской одеждой. С лифчика свисали застёжки идентичные женским чулочным – с резиновой головкой. Очень практично. Живой XIX век. В нашей местности это было в 1967-м (без колготок) и в 1968-м (с их единичными экземплярами) годах. И сам был одним из колготочных мальчиков-пионеров.

СТАРАЯ РОССИЯ И СССР

Трудно, но важно представить себе, каким было человеческое лицо нашей страны ДО миллионных жертв Первой мировой войны и Гражданской войны. Ещё важнее понять её человеческое лицо ДО десятков миллионов жертв Великой Отечественной войны. Важно учесть и более 600 тысяч расстрелянных и миллион умерших в ГУЛАГе. Это, конечно, иное лицо, нежели изображают из себя белые и красные клоуны и пошляки.

ОКНО В ЕВРОПУ И НА ВОСТОК

Первые маршруты регулярной правительственной почтовой связи в России: 1665 – Москва – Рига (Ливония), 1668 – Москва – Вильна (Речь Посполита), 1693 – Москва – Архангельск, 1698 – Москва – Сибирь.

МАСШТАБ ЦЕН

В 1602 году на территории нынешних русских областей России один килограмм ржаного хлеба примерно стоил 1 копейку того времени, лошадь стоила 3–5 рублей, бык – 1 рубль, корова – 80 копеек, килограмм соли – 0,75 копейки, изба новая с обстановкой – 10 рублей, пивная бочка – 75 копеек, книга «Нового Завета» – 50 копеек, ведро вина – 8 копеек, шкура бобра – 1 рубль, шкура соболя – 1,5 рубля.

За месяц работы плотник получал 25 копеек, чернорабочий – 9, рыбак – 14, грамотей при работе – 40, сторож – 3, человек при торговле – 30 копеек.

МИЛЬ ПАРДОН, ДВОРЯНЕ

Но непрерывные массовые указания на то, что некто на момент 1917 года был «дворянином», отражает массовое непонимание давно свершившейся к 1917 году (уже к 1913-му!) гиперинфляции и крайней деградации сословного строя, его ничтожного качества и значения для политической и экономической реальности России, прежде всего в части дворянства, принадлежность к коему уже буквально не значила ничего ни в культурном, ни в политическом, ни в экономическом смысле, кроме учёта населения.

А сколько царских наград и чинов автоматически, за выслугу лет, на университетской и иной службе получали радикальные враги царизма! Ими полны массы их личных дел.

НАДО ПРИЗНАТЬСЯ

Борьба интеллигенции в 1905–1906 гг. за отмену смертной казни была борьбой за безнаказанность красного террора.

ЧИТАТЕЛЬ. ШТУДИЯ

В отличие от столетней давности работ Н. Рубакина о русском читателе и подобных им, опирающихся, как правило, на формулярные данные общественных библиотек, настоящая заметка не оперирует статистикой. Напротив, нам представляется возможность проследить за индивидуальным чтением анонима — по одной лишь книжке журнала «Дело» (1878, № 6): благо, он заявил о себе чернильными и карандашными заметками на страницах этого журнала.

Старательно исправив опечатки в нумерации страниц и в правописании «фиты» и «ятей» и не задерживаясь на статье А. Михайлова о «производительных ассоциациях», читатель принялся за роман Омуревского (И.В. Фёдорова) «Шаг за шагом». Отмечая следы своего внимания к традиционно народническому тексту столь же мно-

гочисленными, сколь и неудобочитаемыми комментариями и штрихами, аноним подчеркнул между прочим:

— У нас на фабрике ничего без баб не делается, — пояснила она.

— Хороший обычай, — похвалил Светлов. — Не мешало бы и городам поучиться у вас, как жить.

От внимательного читательского взора не укрылось и место с очевидной (как ему показалось) логической лакуной. Подозревая руку цензуры, аноним твёрдо подписывает отмеченные абзацы: «пропуск». Роман заканчивается так:

Часу в пятом утра, начинавший уже засыпать, Светлов слышал ещё, как мимо окон их комнаты, незапертых ставнями, прошла кучка фабричных, с шиком напевая самую лихую фабричную песню (...)

От фабричных кулаков
Возлетишь до облаков...

(...) Свободно и размашисто неслась по улице эта песня, и под её разудалые звуки Александру Васильевичу стал сниться какой-то волшебный сон.

Читатель не удержался от приписки: *«Мысли хороши! Но скоро ли оне осуществляются?»*

Пристально было прочитано и окончание повести К. Долгово «Гордая воля». Здесь крестиком отмечены слова:

Он выстрадал свои впечатления, оттого-то от них веяло правдой, такой силой»; «я решила быть свободной и равноправной и если не рождена такой, **то хочу заслужить** эту равноправность умственным развитием в уровень с людьми ума и дела»; и наконец, — **«умственное развитие ведёт к нравственному освобождению.**

Как всегда, в подобного рода литературе, концептуален финал повести:

Промелькнули годы борьбы, невзгод и светлого труда — восходит новая заря! Мы встретимся ещё с Лизой и её мужем **на новом пути.**

Поклонник «нового пути» далее с лёгким сердцем пропускает статейку по русской истории XVIII — начала XIX веков и «Последнее слово науки». Он принимается за «Современное обозрение» Н. Шелгунова, целиком посвящённое седьмому тому сочинений И. С. Тургенева: «Неустранимая утрата». Читатель отмечает для себя резюме тургеневских заслуг, — особенно «женские типы». И тут карандаш более не отрывается от журнальных страниц: то ведь огромная цитата — исповедь любящей девушки. Сплошь подчёркнут **«тонкий анализ безвыходного настоящего»**: под гипнозом любви девушка ещё не знает **«как ничтожно и пусто, и ложно может быть слово, (...) как мало заслуживает оно веры»**. И рядом карандаш уверенно поддерживает шелгуновский выговор Тургеневу за «Накануне»: «когда

он попытался указывать выходы — жизнь от него отвернулась».

Писателю отводится место лишь в сороковых годах:

Как нельзя молиться двум богам, так нельзя переживать и двух жизней», «с момента освобождения крестьян Тургенев умер (...) Тургеневу следовало тогда же прекратить свою деятельность, и для прогрессивной жизни он её прекратил действительно.

«Смерть Диккенса», однако, читателя не привлекла: некролог, помещённый двадцатью страницами далее, не тронут. Впрочем, внимание не ослабевает, — и в рецензии на книгу «Продажные женщины (проституция)» нещадно отмечено:

Победа над нею (проституцией) будет принадлежать не полицейским мерам, не моральным назиданиям, а **ко-**ренным улучшениям во всех отраслях общественной жизни.

И вновь — чистые листы «новых книг», «политической и общественной хроники», даже разбора «Женского вопроса» Н.Н. Страхова.

Закрыв последнюю страницу журнала, внимательная почитательница (ведь так!) тургеневских девушек, в гармонии с расшифрованными ею эвфемизмами (да и «Дело»-то значит — «революция!»), на форзаце вывела: *«Книга достойная*

чтения особенно «Шаг за шагом» Оммулевского соч.». Жизненный реванш ей, юной разночинке, виделся в знании, — но как оно, право, было ей скучно — в пору первых сердечных волнений. Непререкаемыми оставались лишь общие мечты и места эзопова языка: «коренные улучшения» на «новом пути», смутный радикализм, умудряющийся тем не менее безоговорочно вычленить «наших» и «не наших».

Если «народничество» девушки всё-таки переросло её юность, Манифест 17 октября 1905 года она отпраздновала уже старухой за пятьдесят, а до декретов 1917 года вряд ли дожила.

Январь 1991

ХУДОЖНИК:

ХХ

Василий Кандинский

В поздний СССР он вернулся альбомами и модой как почти чужой гений – патриарх мирового абстракционизма, немец вроде как русского происхождения *Vassily Kandinsky*. Триумфально. Постыдно для страны.

Всё последующее вокруг него было для обычного любителя искусства серией открытий, неожиданных, не схематичных. И главным личным открытием была его полновесная русскость (даже с примесью монгольской крови) и демонстративная советскость.

Василий Васильевич Кандинский родился в Москве и умер в 1944 году во Франции. С 1896 года учился искусству и делал творческую карьеру в Германии. В 1914 году, с началом войны между Германией и Россией, как русский подданный вернулся в Россию. В 1921 году эмигрировал в Германию уже окончательно, где стал основателем, гуру и классиком новейшего искусства на Западе.

Личное открытие первое: Кандинский окончил юридический факультет Московского университета, где специализировался в области политической экономии – потому что именно политическая экономия была главной наукой восходивших тогда марксизма и социал-демократии. Решив стать художником, Кандинский лишил Россию одного из будущих ярких марксистов и экономистов.

Личное открытие второе: Кандинский в 1918–1921 годах служил в советском правительстве едва ли не самым высокопоставленным чиновником в области изобразительного искусства. Именно он определял государственную закупочную политику большевиков (то есть решал, кто из художников получит государственные деньги, а кто может свободно умереть с голоду), устанавливал художественные стандарты. Похоже, именно сокращение возможностей для его личной художественной диктатуры от имени государства стало одним из факторов его несогласия с советской властью и эмиграции.

Личное открытие третье: Кандинский, что редко даже для художников русского авангарда (сколько таких? четверо? трое?), был интеллектуал и создал свою собственную теорию всеобщего революционного искусства, взошедшую полными всходами именно при большевиках. Именно то-

тальность таких теорий всегда роднила Вагнера, ранний советский авангард и Сталина.

Личное открытие четвёртое, самое невинное: Кандинский вырос как абстракционист именно из фигуративного искусства и никогда не порывал связей своих самых абсолютных абстракций с русским реалистическим, насколько это имеет смысл внутри революции, авангардом.

Теперь – смотрим, вспоминаем и убеждаем себя, что все эти «открытия» – тщетные домыслы, а настоящий любитель искусства всегда знал об этом, и вообще не об этом, а о том, как было на самом деле и т.д.

Пусть говорят. Кандинский ждёт.

«СОЛЬ ЗЕМЛИ»

Леонид Кацис и Михаил Одесский (Л. Ф. Кацис и М. П. Одесский. «Славянская взаимность»: модель и топика. М., 2011. С. 288) нашли единство текста Ахматовой и Хомякова – и всё стало на свои места:

Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам... (Ахматова)

Не терпит Бог людской гордыни:
Не с теми он, кто говорит:
«Мы соль земли, мы столб святыни,
Мы Божий меч, мы Божий щит!» (Хомяков)

В ПОИСКАХ СЧАСТЬЯ

Мелкобуржуазное Замоскворечье. Мальчишка вывел гулять свою новую знакомую. Он охмуляет, она распускает перья. Она говорит ему: «а вообще я хочу уехать жить за границу». Он ей

со знанием дела: «за границей нечего делать без амбиций, денег и связей».

Проходя мимо этой ярмарки тщеты, я вспомнил, как зимой дикого ещё 1996–1997 года, во тьме около 6 часов утра я стоял в очереди на вход за визой в германское посольство, которое, ещё помню, строилось как посольство ГДР в Москве. Перед мной шла юная южнорусская или украинская красавица с крупной надписью на лице о том, как рухнут на её пути все препятствия.

Околевав от холода и ожидания, я посетил утлый киоск на обочине, где купил и принял стограммовую водку в пластиковой упаковке для пилигримов. Очнувшись, я обнаружил, что стены пали и передо мной: я уже стоял в начале очереди со списком ожидающих в руках и весело руководил движением, совершенно забыв, зачем прибыл во тьму. От красавицы уже не было даже запаха.

Пропустив мимо юную замоскворецкую пару 2014 года, я совершенно уверился, что из её ослабленных членов никто не мог бы даже во сне сравниться с победной красавицей, которая ныне, наверное, уже от имени Германии учит западным ценностям новых красавиц и старых дур.

Вечер послал мне и другой пример иностранной судьбы. Вокруг нового отеля в Замоскворечье вращалась иная пара: англоязычный турист сильно среднего возраста — и его русская переводчица возрастом на 17 лет больше той красавицы. Они

попросили меня указать им продовольственный магазин. Посетив названные мной варианты, они нагнали и опередили меня в круглосуточном сетевом магазине. И я смог рассмотреть: ради чего этот возбуждённый мужик затеял всю свою вечернюю одиссею. К кассе он принёс бутылку пива и эскимо: бутылку себе, эскимо ей. За всё заплатила она и пара отправилась в отель навстречу пиру и бесплатному сексу. Деньги, связи и амбиции праздновали победу.

ЭЛИТНО-РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ШАКАЛЫ

Революционер Зензинов в эмиграции продолжил борьбу: в марте 1940, кроме прочего, под охраной финских войск поехал на поле боя, где в окружении был уничтожен танковый дивизион Красной Армии и на морозе осталось лежать много трупов – Зензинов ОБЫСКАЛ ТРУПЫ, вытащил их неотправленные письма домой и в конце 1944 года, когда в США уже надо было вслед за Хайеком и УСС травить тоталитаризм, опубликовал их книгой.

Набоков книгу очень сильно хвалил, но более всего за обнажённое ею бесчувствие вождей к простому солдату – и призывал кары на головы вождей. Набоков не понял, что судьба старой России, его отца и его самого – и есть эта кара от нас, трупов простонародных.

СТЫДНАЯ РУССКАЯ БОЛЕЗНЬ

Экономические эмигранты из России, поселяясь, например, в Чехии, Германии, Англии, Франции, нередко начинают враскоряку облизывать свою новую страну и с особым усердием срать на Россию. Так они доказывают себе рациональность своего выбора.

Одно утешает: такие русские русских потомков после себя не оставляют.

Но болезнь эта нередка и вполне рифмуется с особой слабостью русских к ассимиляции.

Действительно: русский народ – государственный народ и требует государства, что, напротив, стало единственной причиной его выживания.

САМАЯ СТРАШНАЯ КНИГА

– которую я когда-либо читал в своей жизни, – сборник воспоминаний о России детей-эмигрантов под редакцией В.В. Зеньковского «Дети эмиграции» (1925).

Сохрани нас, Господи, от новой Гражданской войны и эмиграции.

О БОЛИ

Гений прозы Ивана Бунина в эмиграции – чистое искусство боли об умершей жизни самого важного.

МОЛОТОВ-РИББЕНТРОП

Моральная, интеллектуальная, честная, нелицеприятная, героическая, культурная, подвижническая, свободная, национальная русская эмиграция осудила этот пакт и сразу, и в потоке мемуаров, и НЕ СКАЗАЛА НИ СЛОВА в осуждение Мюнхенскому сговору Британской империи и Франции с Гитлером, засунув свои языки в кулаки.

GERМАНИЗМ

Ежелетне мои средние девочки проводили в немецком языковом лагере в Германии, где дети буквально отовсюду. Интересное мероприятие ежегодно – День страны, когда все дети рассказывают о своей стране.

На день России организаторы присоединили к выступающим из России всех наличных русских и русскоговорящих детей, откуда бы они ни были, в том числе из Латвии, Швейцарии, с Украины и из США.

ХАИМ СУТИН

Я помню, как в отделе «Искусство» – на втором этаже одного из двух тогда крупнейших книжных магазинов в Москве (на улице Кирова – ныне «Библиоглобусе» на Мясницкой) баррикадами стояли дорогушие альбомы великих художников,

изданные во Франции, Италии, далее везде. Цена их была весьма велика – от 75 советских рублей (половины месячной зарплаты среднего инженера) и выше. В этой витрине великих царапали глаз подозрительно не иностранные имена: немец Кандински и француз СутЭн, которого образованный продавец называл с ударением на последний слог. Столь велика была ревнивая подозрительность к эмигрантам из России, что только через боковой вход чужой страны и чужого языка отечественная гордыня готова была признать за своих земляков тех, кто добился признания вне России, – Питирима Сорокина, Василия Леонтьева, Марка Шагала, Сергея Лифаря – имя им легион. Что – «оправданные» через книжную и телевизионную попку – русские жёны Дали, Роллана, Леже, Арагона, Кейнса и мн. др. – тоже признание русскости и тоже национальное достояние.

Кое-кто из них дожил и ощутил на себе липкие перестроечные позднесоветские официальные поцелуи. Так целуют завистники, ненавидя, когда не могут позволить себе ненавидеть открыто, хотя бы ради того, чтобы очередной благотворитель пустил в предбанник холодной войны, где выдают вдовьи талоны на «общечеловеческие ценности» на правах хозяина и раба. «Мягко стелет – да жёстко спать», – повторял мой отец в таких случаях. Именно он приводил нас, своих

детей, на эту выставку настоящего, внепоцелуйного искусства, иногда на последние деньги покупая очередной том из альбомной коллекции *Flammarion*'а.

Нам, мыслящему тростнику, оставалось самостоятельно понимать, что речь в этом пантеоне идёт об уроженцах России Василии Васильевиче Кандинском (1868–1944) и Хаиме Соломоновиче Сутине (1893–1943) – русско-тунгусском отце абстракционизма и русско-еврейском отце многоликого экспрессионизма, в России более известного по германским послевоенным (1920-х гг.) образцам той свершившейся человеческой мясорубки, что изнасиловала само человеческое изображение не меньше, чем абстракция – изображение предметного мира, который без посредников слился с миром сознания и бунтующего мозга.

Интернет-азбука, беззащитная против аферистов, мошенников и новых насильников над правдой, вписывает Хаиму Сутину новое «французское» произношение – теперь только потому, что родился он 13 января 1893 года в Смиловичах Минской губернии Российской империи, называя его «белорусским художником». Видимо, мошенники эти очень плохо понимают смысл своего доступа к клавиатуре, если думают, что великий и жертвенный белорусский народ хоть на йоту

нуждается в такой фальсификации и пустом переименовании Хаима Сутина в белорусы.

В 1913 году Сутин уезжает в Париж и отныне становится великим французом – точно таким же французом, как великий испанец Пикассо. С началом войны его родителей гитлеровцы уничтожают в Смиловичах – разумеется, уничтожают потому, что они евреи.

Если искать простых изобразительных аналогий портретам Сутина, то обычный глаз, фильтрующий сложность живописи и обстоятельства эпох, подсознательно сравнивает их с фаюмскими портретами, которые мы оценим ещё выше, выше пределов возможного, если вспомним, что они давались погребальным мумиям, чтобы спасти образ человека от смерти – во всей его красоте, полноте дыхания, достоинстве. Портреты Сутина не спасают от смерти, почти не дают взгляда, едва цепляются за последний выдох души, убитые, изломанные – и узнаваемо личностные, тёплые, живые, любимые.

Натюрморты Сутина, конечно, давно забыли, что они призваны быть «мёртвой натурой» – их так же ломают конвульсии живой жизни, как ломают они людей Сутина.

Пейзажи Сутина давно забыли, что они – лицо местности, превратились в гримасы землетрясений.

Легко остановиться на этом описании переживания и предчувствия еврейской и общечеловеческой гекатомбы, которые переполняют наследие Сутина. Но правда не будет полной, если не признаться, что все эти гримасы и боли не знают страха, что они ветхозаветны и живут с собой в мире. Соединить это может только великий художник. Его сознание, кажется, почти не тронули ни русская Смута, ни русская Революция, в художественном проекте которой столь восторженно и многословно поучаствовал Василий Кандинский.

Что-то мне не верится, что его так вылечил именно Париж. Думаю, он таким родился в Смилевичах Минской губернии Российской империи.

АЗ БУКИ ВЕДИ

БОЛЬ: БОРИСОВ-МУСАТОВ
БРЕЖНЕВ: ДМИТРИЙ НАЛБАНДЯН
БУРЖУАЗИЯ: «МИР ИСКУССТВА»
ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ: ВЛАДИМИР ТАТЛИН

ВОЙНА

ГОЛОД: ПАВЕЛ ФИЛОНОВ
ЖЕСТ: КАЗИМИР МАЛЕВИЧ
ЗАПАД: ОНОРЕ ДОМЬЕ

ИСТОРИЯ

КАРЬЕРА: ВЛАДИМИР МАКОВСКИЙ
МАРКСИЗМ / СОЦИАЛИЗМ
МЕЩАНЕ: БОРИС КУСТОДИЕВ
МОНАРХИЗМ
МОСКВА

ОРКЕСТР: ВАСИЛИЙ РОЗАНОВ

РОССИЯ

РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
РУССКАЯ МЫСЛЬ
РУССКИЙ НАРОД
РУССКИЙ ЯЗЫК

СВОБОДА И ГОСУДАРСТВО

СЕМЬЯ
СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ / СССР
СПРАВЕДЛИВОСТЬ: ВАСИЛИЙ ПЕРОВ
СТАЛИН

СТАРАЯ РОССИЯ

ХУДОЖНИК: ВАСИЛИЙ КАНДИНСКИЙ
ЭМИГРАЦИЯ

К60 Модест Колеров

Старая русская азбука М.: Издательство книжного магазина
«Циолковский», 2020 г.— 224 с.

ISBN978-5-6041822-9-1

«Старая русская азбука» — это не строгая научная монография по фонетике. Воспоминания, размышления, ответы на прочитанное и услышанное, заметки на полях, — соединённые по строгому плану под одной обложкой как мозаичное панно, повествующее о истории, философии, судьбе и семье во всём этом вихре событий, имён и понятий.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос)

К60

ISBN 978-5-6041822-9-1

© ООО «Книгократия», 2020

© Модест Колеров, текст, 2019

ISBN 978-5-6041822-9-1

9 785604 182291

МОДЕСТ КОЛЕРОВ

16+

СТАРАЯ РУССКАЯ АЗБУКА

Редколлегия Максим Сурков,
Константин Харитонов, Александр Вознесенский

Подготовка текста Максим Сурков

Обложка Алиса Цыганкова

Верстка Василий Востриков

Книжный магазин «Циолковский»

Философия, история, социология, богословие, научпоп,
художественная литература, искусство, букинистика

Адрес: г. Москва, м. Новокузнецкая,
Пятницкий пер. д. 8, стр. 1, 4 этаж.

www.primuzee.ru

(495)951-19-02

